

И.Ш. АНИСИМОВ

В ГОРАХ ДАГЕСТАНА

И.Ш. АНИСИМОВ

«В ГОРАХ ДАГЕСТАНА»

**Драма
в 4-х действиях,
5-ти картинах**

Подготовка к публикации: Фрида Юсуфова
Художественное оформление: Фрида Юсуфова
Под общей редакцией: Фриды Юсуфовой
Компьютерный набор: Анна Копаева

В оформлении пьесы использованы рисунки Фриды Юсуфовой, выполненные на основе иллюстраций из книги Лятифа Керимова «Азербайджанский ковер» (Баку 1985 г.)

Типография М.А.К.
Израиль 2003 г.

Предисловие

Автор пьесы «В горах Дагестана» Илья Шеребетович Анисимов родился 29 мая 1862 года в селении Тарки Темир-Хан-Шуринского округа Дагестанской области (ныне город Буйнакск). Отец Ильи – Шеребет Нисим-оглы – известен как один из самых образованных раввинов своего времени. Он был первым горским евреем, учившимся в знаменитой Воложинской иешиве, после чего провел три года в Иерусалиме. Купил в Старом городе, возле Львиных ворот, участок земли, чтобы построить на нем синагогу «Мизрах шемеш» для выходцев с Кавказа и иешиву «Тора Ор».

Благодаря отцу Илья получил хорошее домашнее образование.

В 1883 году Илья поступил в дополнительный класс горского отделения Ставропольской гимназии. Летом 1884 года он уехал в Санкт-Петербург, а в начале августа 1884 юноша был уже в Москве, имея при себе прошение на имя директора Императорского Московского технического училища.

В 1885 году Илья Анисимов познакомился с выдающимся русским ученым В.Ф. Миллером, который заметил склонность юноши к исследовательской работе. Миллер привлек Анисимова к активной деятельности в возглавляемом им этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. К этому времени у Ильи Анисимова уже сформировался интерес исследователя к изучению истории и

традиций горских евреев. Он опубликовал очерк «Кавказские еврей-горцы», который впоследствии вошел в его монографию о горских евреях.

В марте 1886 года И.Ш. Анисимов был избран членом этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

По предложению В.Ф. Миллера Московское Археологическое Общество поручило Анисимову совершить поездку на Кавказ для сбора историко-этнографических материалов о горских евреях. Анисимов посетил 88 городов и аулов Дагестанской и Терской областей, Бакинской и Елизаветпольской губерний.

В июне 1886 года Анисимов прибыл в Дагестан.

Собранные Анисимовым во время экспедиции материалы послужили началом для написания монографии: «Кавказские еврей-горцы». Этот труд Анисимов посвятил В.Ф. Миллеру.

Монография И.Ш.Анисимова по сей день считается одним из фундаментальных трудов по истории, обрядам и обычаям горских евреев.

Но кроме научной работы Илью Шеребетовича увлекала и литература, точнее художественное творчество. Он хорошо рисовал.

А в начале XX века, накануне русской революции Анисимов пишет пьесу-драму в четырех действиях «В горах Дагестана» - о непростой судьбе горской женщины.

По мысли автора пьесы ее издание и постановка на сцене должны были дать возможность широкому

кругу общественности России познакомиться с бытом и обычаями горских евреев. Однако, по ряду причин пьеса не была опубликована и поставлена на сцене.

Действие пьесы разворачивается в одном из горных аулов. Два брата Месендиль и Кардаш обручили своих детей – Гузель и Ильконо, с самого рождения. Дети выросли, и пришло время свадьбы. Но Гузель полюбила Арслана, который воспитывался в доме Месендиля. Арслан с детских лет был влюблен и очарован прекрасной Гузель. Родные, заподозрив неладное, хотят поскорее устроить свадьбу. Арслан, убедившись во взаимности, решает похитить Гузель за день до свадьбы. Во время погони погибает брат Гузель. Месендиль в отчаянии восклицает: «Два несчастья уже есть! Кто знает, что еще будет!? А там еще и кровная месть за несчастного Бааза!»

Написанная более ста лет тому назад пьеса поднимает вечные проблемы – любви и дружбы, чести и достоинства.

Пьеса публикуется по сохранившемуся машинописному экземпляру из личного архива внуков И.Ш.Анисимова - Михаила Георгиевича Шпанина и Маргаритты Данииловны Анисимовой, которая живет в Москве. М.Г. Шпанин живет в Израиле в городе Пардес-Хана.

В январе 2001 года Михаил Шпанин передал мне машинописный вариант пьесы для подготовки ее к изданию.

Мужчину величает ум, достоинство и честь,
А женщин возвышает чистота, не лесть.
Известна истина, друзья,
«Сберечь любое платье можно,
А честь не сохранить нельзя!»

* * *

Судьба, судьба!
Как ты жестока к нам
И к нашим нежно любящим сердцам!

Эти строки из моего поэтического сборника «Распахнутое сердце» отражают те чувства, которые родились в душе, когда я на одном дыхании прочитала пьесу «В горах Дагестана». Автор, живший более ста лет тому назад, удивительный ученый-этнограф, сумел отобразить в своем произведении обычаи и нравы горских евреев. Многие из той далекой жизни, из тех обрядов и традиций существует и по сей день, передается из поколения в поколение.

Я надеюсь, что читатель, молодое поколение, познакомившись с этой пьесой узнает многое о жизни своих предков, о судьбе кавказских женщин в те времена и о великой силе любви!

Надеюсь, что публикация пьесы «В горах Дагестана» будет интересна и познавательна широкому кругу читателей.

Frida Yusufofa
Ben-Gurion 455/8
Akko
Israel
Tel: 972-4-9917118

Фрида Юсуфова

Письмо Михаила Шпанина, внука И.Ш. Анисимова,
Фриде Юсуфовой.

Здравствуй Фрида!

Посылаю. Все же ознакомление
н'есу И.Ш. Анисимову. Вот первый
человек в Израиле, который знает
ее.

Я не специалист-драматург и не
критик. Могу лишь сказать
следующее:

Летом 1940-х годов, очевидно,
Явизелю извездил судья двух
молодых людей, обвиненных в любви
и не имевших никаких связей друг
с другом, но вынужденных
не проводить свою свою
жизнь.

В преданности н'есу, автор
даст подробную характеристику
каждому из них, начиная с их
аренды и кончая манерами
поведения. Это даст будущему
посетителю ее, свою разгадку,
сравнительно материал.

П'еса является историческим
фактом. Б.К. автор очень
хорошо знал нравы и был
своего народа в то время.
В том же большой ценности.

Фрида! Вот нравы, это
принцип всего н'есу, сейчас Израиль, а
иногда уже начинают ее
использовать.

С. Романов Л.Г.

**Это издание пьесы
«В горах Дагестана»
посвящается женщинам Кавказа.**

Действующие лица драмы «В горах Дагестана»:

Месендиль – пожилой мужчина высокого роста, широкоплечий, слегка сутуловатый; умеренно полный; с широкой большой, с проседью бородой, густыми черными бровями; с умным выразительным лицом.

Одет в черкеску из черного сукна без газырей, под которым черный бешмет, опоясанный черным ремнем.

Ходит, заложив руки назад, медленно. Из кармана бешмета торчит «чубук»¹ трубки для курева.

Говорит негромко, уверенно, с остановками, сопровождая свою речь юмористическими пословицами и поговорками.

Характера деловитого, но добродушного и миролюбивого.

Девро – его жена. Немолодая на вид, но со следами былой красоты, среднего роста, темная шатенка.

Одета в темный из шерстяной материи бешмет и в такую же рубашку с узкими у кистей рук на пуговицах, рукавами и в узких, из темной цветной материи, собранных на щиколотках на шнурках шароварах, еле видных из-под длинной рубашки. На голове поверх черного чепчика, коричневый шерстяной платок, под которым спрятаны все волосы,

¹ Чубук – полый стержень (обычно деревянный), на который насаживается курительная трубка.

на ногах красные чувяки, в ушах небольшие позолоченные татарские серьги.

Характера на вид тихого, скромного, довольна своим положением – старшей жены-хозяйки в доме, мягкого на словах, а на деле же хитрого и желающего настоять на своем.

Зоволу – их сын (его жена Томор, они живут в городе). Резко отличается от других своим необыкновенным остроумием. Вечно весел, жизнерадостен и общий любимец всей молодежи, особенно девушек. Как человек богато одаренный от природы, спокойный и уравновешенный. Он не может слепо следовать за другими и говорит только то, что думает.

Одевается без претензии, чисто и красиво: в простой черной черкеске, туго обтянутой в талии ремнем, на котором висит большой черный кинжал в простой черной оправе, в ситцевом бешмете, в черной папахе.

Бааз - их сын (жених Куз-Бике.) Молодой брюнет высокого роста, смуглый, широкоплечий, мускулистый, развитой.

С честными правилами жизни, любознательный, серьезный, преданный дружбе до самоотверженности.

Одет чисто и со вкусом.

Курит табак низкого сорта, закручивает его в папиросную бумагу.

Говорит тихо, оживленно, иногда с легким юмором. Стоит за всеобщее развитие молодого поколения.

Ферадж – их сын. Молодой человек высокого роста, темный шатен с сильно побитым оспой свирепым лицом, небольшой темно-русой бородой, быстрыми глазами.

Одет в светло-серую черкеску с газырями и кинжалом на поясе. Говорит быстро, временами заикаясь.

Не любитель женского пола, горяч, жуликоват и легкомыслен, при малейшем столкновении с кем бы то ни было, берется за ножны кинжала.

Иогудит – их дочь. Молодая брюнетка, красивая во цвете лет, высокого роста, со смутлым, дышащим здоровьем лицом, большими черными глазами и красивыми, тонкими дугообразными бровями.

Она прекрасно сложена. Живая, работающая, словоохотливая.

Акса – их дочь (ее муж Даниил). Брюнетка, с постоянно сияющей улыбкой на тонких розовых устах.

Очень милая, всегда жизнерадостная, несколько наивная, избалованная судьбой молодая женщина.

Гузель – их дочь (невеста Ильконо). Нежная стройная, как лань, блондинка, с белым временами розовым лицом, голубыми, как небо, глазами.

Одевается в чистенький, светлый, ситцевый, бешмет и рубашку с короткими узкими рукавами, застегивающимися на пуговицы.

Умная, скромная, работающая, временами веселая хохотушка, а большей частью грустная и меланхоличная, с каким-то затаенным в груди горем,

скрытная, мало разговорчивая, но решительная и с большой силой воли.

Развита физически и умственно не по годам, ходит с опущенными глазами, говорит робко, стыдливо, но красиво.

Ильконо - жених Гузели (сын дяди Кардаша). Волосы и небольшая борода – рыжие.

Одет в длинное пальто, из-под которого виден черный бешмет, опоясанный ремнем, без кинжала, на ногах штиблеты, на голове черная папаха.

Большой по природе оригинал, высокого мнения о себе, малодушен, труслив. Повторяет свои поговорки, как бы сам, наслаждаясь искусством собственной речи, от этого он кажется еще смешнее.

Даниил - зять Месендиля (муж Аксы). Типичный неряшливый молодой кожевник, брюнет с черными от краски пятнами на руках. Противник женщин, проповедует рабское подчинение их мужчинам, но в то же время находится под башмаком своей хорошенькой жены Аксы. Одевается в засаленный бешмет. Говорит мало и сильно придерживается обычая почитания старших, вставая при всяком их приходе и уходе.

Томор - невестка Месендиля (жена Зоволу). Красивая молодящаяся женщина средних лет, любит наряжаться и говорить о тяжелом положении горской женщины, рано вышедшей замуж.

Арслан – воспитывался в доме Месендиля, так как рано остался сиротой. Ниже среднего роста, брюнет с красивым смуглым лицом и черными глазами, с прекрасно сложенной фигурой. Занимая в

чужом доме зависимое положение, большей частью угрюм и скрытен, но в душе горяч, вспыльчив, решителен и не устрашим (влюблен в Гузель).

Куз-Бике – подруга Гузели (невеста Бааза). Строгая и стройная красавица брюнетка с серьезным смуглым лицом, глубокими, бархатными, полными жизни глазами и длинными ресницами. Она производит чарующее впечатление. Носит темные, однообразные платья, которые так идут к ее лицу, что, взглядевшись подольше трудно от него оторваться. Говорит очень мало, а если говорит, то очень смело и резко, умно и правдиво. Существующие нравы и обычаи, особенно по отношению к женщинам, считает прямо варварством. Здоровая душой и телом, работающая, сильная в своей воле и в стремлении к женской свободе. В то же время, она в высшей степени добрая и чуткая к чужому горю натура, достаточна, развита и производит на молодежь сильное впечатление своей искренностью.

Селихат – подруга Гузели. Полная, здоровая, жизнерадостная шатенка, с обворожительно свежим лицом, с нежным румянцем на нем, с голубыми, вечно смеющимися глазами. Очень любит наряжаться, хотя и не богато, но пестро и ярко. Словоохотлива, любит шутить, смеяться и веселиться, пускать плоские, шутливые остроты. Быстрая, живая, как «настоящий бесенок» в движениях и манерах.

Эвнир – ученик последнего класса городского реального училища. Большой сторонник народного образования, на каникулах сам учит своих

сверстников. Говорит горячо и убедительно. Одет в форму реального училища. Характера веселого.

Ильдод и Гемлиил – почтенные старики. Понятые при оценке приданого невесты. Характерны своими спорами и поздравлениями. С большими длинными седыми бородами, у одного широкой лопатой, у другого борода расправлена на обе стороны, с подстриженными у рта усами, с длинными седыми бровями. На голове у одного черная барашковая папаха, у другого – белая. Во время беседы любят по очереди курить махорку из одной трубки.

Ифраим – купец, мужчина средних лет, человек бывалый и много видевший. Хитер, говорит красноречиво, горячо, убедительно и прямолинейно. Очень любит спорить.

Хублер и Алып-Кач – почтенные старики, присутствующие при оценке приданого.

ДЕЙСТВИЕ I

Картина 1.

Сцена представляет виноградный сад. Справа сакля с открытым балконом и плоской крышей. Впереди большое тутовое дерево, а подальше слева другое такое же, под которым небольшая скамейка. Поодаль, за деревьями ряд продольных холмиков, под которыми на зиму закопаны виноградные лозы, около них на широкой дороге – куча жердей, вблизи грядки для табака, овощей и т.д., обросшие сорной травой, а в стороне под деревом гармоника и тамбура.

Весна. Солнечный день. Гузель, Селихат, Куз-Бике и еще несколько девушек и молодых женщин мотыгами в руках. Они копают и разрыхляют землю, полют траву и делают новые грядки. За сценой временами слышны легкие удары топора и говор людей, выкапывающих лозы. Несколько минут все сосредоточенно работают и слышны только периодические удары лопат и топора.

Гузель. *(рядом с Селихат, слушая ее с интересом и заливаясь долгим смехом).* Ха-ха-ха! Ну, тебя! *(К подругам).* Слышали, что она сказала? Чудачка! *(Слегка ударив ее по плечу и продолжая хохотать).*

Все смеются, кроме Куз-Бике. Арслан, Бааз, а за ними Эвнир и Зоволу входят сзади незаметно, делая гримасы молчать, ступают на цыпочках, прячась за жерди, тихо.

Тсс!... Тсс!... Тсс!... Интересно, о чем они чешут язычки...

Куз-Бике. *(едко улыбаясь).* У нее только и хватает ума на сальные рассказы, на плоские шутки, глупый смех...

Гузель. *(вновь заливается смехом).* Ха –ха-ха!... Да, ты вникни только... умора!

Селихат. (к Куз-Бике). А у тебя, должно быть, очень много ума, «ученая кошка»!

Гузель. (хохоча). Ха-ха-ха!... Похожа!... Только очков недостает, как на картинках...

Многие хохочут.

Селихат. (тоже продолжая хохотать). Тебе только давай такие примеры, как в пословицах: об ишаке, который, слушая воробья, уткнул лоб в землю и хвалил петуха... или о лягушке, которая, увидев быка, захотела стать такой же, надулась и лопнула, как рассказывал Эвнир.

Гузель. (вновь заливаясь смехом, хлопая в ладоши). Браво, браво! Как? Слушая воробья? Ха-ха-ха! (Ударив Селихат). И какая же ты смешная! (Все смеются, кроме Куз-Бике). Ох, ох, ох! (Хватаясь за бока). Уморила!...

Куз-Бике. (тихо, сердито к Гузель). И эти глупые замечания могут нравиться лишь таким же глупым, как ты и она!... А ты ведь, и не поняла, да еще хохочешь!

Гузель. (добродушно). Так и есть! (Обнимая и поднося палец к ее лбу). Да, проживешь ты столько! (Продолжая хохотать, а потом сразу становясь серьезной). Ты сама, видно, ничего не понимаешь!... Наоборот, сравнив тебя с ишаком, наслаждающимся лишь пением петушка и с лягушкой, которая от зависти надулась и лопнула, она как нельзя лучше, только осмеяла тебя, твою постоянную чопорность и твое желание видеть во всем только плохое.

Куз-Бике. *(волнуясь)*. О, Боже мой! *(Едко хохоча)*. Я бы сказала тебе. Но, ведь все равно, не поймешь, как тот ишак, и боюсь, чтобы вы обе не лопнули от смеха, как та же лягушка. Притом, как никак, я все же, люблю тебя, мою дурочку.

Селихат. *(ухмыляясь)*. И какое, подумаешь, у нее сомнение. Она всех жалеет, только любя.

Гузель. *(серьезно)*. Пожалуйста! Очень прошу тебя не жалеть ни меня, ни моих слез, которые могут литься разве только потому, что у меня глупая подруга...И что же это, в самом деле, такое!? Ведь ты не даешь никому и рта открыть... Согласись, наконец, что это прямо таки противно! Почему бы, спрашивается, и не рассказать, кто на что способен, и не посмеяться, не потанцевать, и не повеселиться? Жизнь так коротка, особенно, у нашей сестры, пока в девушках, кажется, только и живешь!

Селихат. *(сердито)*. Нет же! Все ей мешает, всех она осуждает и критикует! *(К Куз-Бике)*. А, ты, видела, как на прошлой неделе наша подруга Авшаг....? Бедная! Тоже, как и ты, вечно была не довольна, всегда желчная такая, в конце концов, заболела и умерла.

Гузель. *(задумчиво, схватив Куз-Бике за талию)*. А, по-моему, знаешь, кто не смеется, тот вообще и не живет!

Куз-Бике. *(тронутая лаской подруги)*. Да, милая моя! Судить, вообще очень легко. Бедная, бедная Авшаг! *(Вытирает широким рукавом навернувшиеся слезы)*. Вечно была недовольна и умерла... *(Указывая на Селихат)*. А, ты, спроси-ка, вникла ли она, почему

она, бедная, была так недовольна, чем мучилась, и что было в ее девичьей душе? Конечно, нет! А если бы задумалась, то узнала бы, что не могла она вынести тяжелой доли нашей девушки и пала жертвой грубого невежества и произвола. Умерла за всех нас, так как по «адату»² просватали ее с колыбели, а теперь выдали замуж за нелюбимого дурня, умерла потому, что не захотела быть товаром.

Гузель. (*вздвигнув, но овладев собой*). Господи! Но неужели же - это правда? Бедная!

За сценой шум и голос.

Ильконо. Пустите! Пустите!

Пауза. Входят: Ильконо, торопливо, с палкой в руке, в разорванных брюках и пальто. За ним, Бааз и Арслан, в рабочих бешметах, с расплетенной для обвязки лоз, за поясом рогожей. За ними, Эвнир, в костюме ученика реального училища, Зоволу, в простом чистом национальном костюме, с кинжалом на поясе, Даниил, в поношенном неряшливом бешмете, в большой старой овчинной папахе на голове и со старым кинжалом на поясе, Ферадж, в нарядном национальном костюме, в белой папахе и с кинжалом.

Девушки, увидев молодых людей, все, кроме Куз-Бике и нескольких других подруг, подняли писк и визг. Сначала они разбегаются в разные стороны, а потом, собравшись вместе, прикрывая лица широкими рукавами, становятся спинами к входящим и тщательно закрывают собой, как следует по «адату», двух невест – Куз-Бике и Гузель, от их женихов – Бааза и Ильконо.

Эвнир. (*снимая фуражку*). Добрый день вам, милые сестрицы!

Многие девушки. (*кланяясь, сдержанно, тихо*). Добро пожаловать!

² Адат – обычай, традиция.

Зоволу. (*протискиваясь вперед и толкая Ильконо назад, тихо обращаясь к нему*). Встань сзади! Что, ты, вперед лезешь!

Ильконо. (*громко, отталкивая Зоволу назад*). Полезешь, когда тебя чуть всего на куски не разорвали... И что это за собаки... Настоящие волки. (*Опускаясь на землю*). Дайте хоть посмотреть... Одна нога что-то очень болит. (*Снимает обувь, носки, засучивает кальсоны, морщась от боли*). Ох, ох!

Селихат и некоторые девушки. (*подбегают, что-то выкрикивая*). О, Господи! Что случилось? Дайте воды! Чистую тряпку!

Одна бежит за водой, быстро возвращается с кувшином в руке, другая приносит тряпки.

Зоволу. (*помогая Ильконо, обращаясь к девушкам*). Только не кричите! Наверное, ничего особенного с ним не случилось... Говорит, что собаки на него набросились. (*К Ильконо*). Ничего походишь пока на одной. Зато в другой раз научишься беречь свои ноги и фалды. А если и укусили, то ничего, до свадьбы заживет!

Арслан. (*помогая*). Ой, ой! Какой ты, брат, неловкий, хуже женщины! Взрослому человеку иметь в руках палку и не отбиться от собак – прямо стыд!

Бааз. (*успокаивая*). Видно, тебе показалось... если бы укусили, то, наверное, была бы кровь...

Арслан. (*тщательно осматривая и смеясь*). Ха-ха-ха! Говорят, что у страха глаза, как у зайца! (*Осматривает Ильконо*). Так и есть: только штаны разорваны и небольшая царапинка... А, как кричал-то! Ха, ха, ха!

Многие смеются.

Эвнир. *(качая головой)*. Однако! Но ведь могли и самого разорвать! *(К Фераджу и Даниилу, с укором)*. Удивительно, что вы его не отстояли...

Ферадж. *(улыбаясь)*. Отстоишь его! Как говориться, «что может сделать Б-г, когда арба валится сама?». Я и Даниил идем с пустыми руками, его загораживаем, кинжалами отбиваемся, а он с палкой, бросился бежать. Собаки схватили его за ноги, а он вместо того, чтобы хоть одной дать палкой по морде, начал кричать. Пока мы не подоспели и отогнали собак.

Многие смеются.

Зоволу. *(вынув из кисета табак и бумагу, сделал папиросу и закурил)*. А еще - горец! Счастливая твоя судьба, что еще так легко отделался! Стыдно, брат, даже от волка убегать тому, у кого на голове папаха, не платок!

Арслан и Бааз. *(ухмыляясь, вынув из кармана свои чубуки, из кисетов махорку и закуривая кремневками)*. Тем более, залезать на дерево. И какой он горец! У горца душа должна быть смелая, как у орла!

Ферадж. *(желая задеть Бааза)*. Как, например, у такого, как ты? Не так, ли? А?

Даниил. *(к Баазу)*. Что вы, в самом деле, на него напали? Бывает.

Бааз. *(к Фераджу)*. Ты угадал! И этот орел, поверь, такого как ты, глупого барашка, во всяком случае, поднимет своими когтями в небо.

Ферадж. *(вспыльчиво, наступая, приближаясь к нему)*. Ну-ка, не попробуешь ли?

Зоволу. (*чувствуя угрозу, встав и отталкивая Фераджа*). Оставь их... Они все великие орлы в своих курятниках, пока не попали в котел к хинкалу!

Все смеются.

Даниил. (*вынимает трубку и знаками просит у Бааза табак, закуривает огнивом*). И правда! Эти собаки, как он сам, настоящие волкодавы! Одна, чуть не вырвала у меня кинжал! Такое со всяким может случиться. Смеяться тут нечего! (*Закурив, сплевывает, обращается к Баазу*). Ну и табак, как кукуруза!

Бааз. (*сердито*). Для тебя и этот слишком хорош! Держи свой и не попрошайничай!

Многие смеются.

Ильконо. (*одеваясь, нахально улыбается*). Вот именно. (*Встает*). Вчера видел я сон, будто купаюсь в море и вдруг, откуда не возьмись, быстро подплывает ко мне какое-то странное чудовище. Останавливается, вот так. (*Показывает, широко открыв рот*). И я проснулся. Вот и не верьте, говорят... И, что таить? Я действительно люблю, но очень боюсь собак! А эти, как назло, были верно, как настоящие волки! Право слово!

Зоволу. (*продолжая курить, иронично*). Ну, чего, скажи, ты не боишься? А в море меня с тобой не было? Ведь, ты, и моря очень боишься? По крайней мере, один никогда не купаешься.

Многие смеются.

Арслан. (*закурив и улыбаясь*). И купается-то он, если бы видели... Ха-ха-ха! Словно баба, или на четвереньках, крепко ухватившись за берег, или в двух-трех шагах от берега, где вода не выше колен!

Многие хохочут.

Ильконо. (*тоже смеясь*). Ну, так что же? И моря я очень боюсь, особенно ночью. Когда под водой раздаются таинственные звуки, становится прямо жутко. Но скажу вам, мне страшно в темной комнате, притом, если водятся там еще и мыши. Тут уж, не правда ли, каждому приходилось испытывать страх. Так и кажется, что сзади тебя кто-то вот-вот схватит за шиворот, или же этот кто-то толкает тебя за плечи вперед! (*Вздрагивая и широко улыбаясь*). Тут уж, как будто и вся душа уходит из тела, и ты бежишь, не переводя дух к двери! Право слово! Верно, а отчего все это, не знаю. Но здоровьем (*Показывая руки, ноги, как бы разминаясь*) Бог, кажется, меня не обидел.

Зоволу. (*бросив папиросу, добродушно кладя руку ему на плечо*). А собаки эти действительно очень злые. Хотя, правду говоря, они такие же волки, как ты - лев, а я пантера! (*Видя уходящую Куз-Бике и других девушек*). Та-та-та! Куда же это? Мне сказали, что у вас целая свадьба, а вы бежать. (*Загораживая им путь*). Клянусь душой этих волков, которые хотели оставить Ильконо без ног, порвав ему только штаны, ни ни-ни! Что я даром прибежал сюда из аула, чуть ли не за сто верст?

Эвнир. (*вынув портсигар и закулив папиросу*). Зоволу прав! Нельзя же расстраивать веселье из-за таких пустяков. (*Подходя к Куз-Бике*). И я прошу тебя, сестрица, здравствуйте же еще раз, здравствуйте! Целый год не видел я вас и родного аула. Хочу посмотреть как живете. (*Видя, что Куз-Бике и Гузель жмутся к подругам и обращаясь с улыбкой к Ильконо*

и Баазу). А вы, Бааз и Ильконо, повернитесь же хоть спиной, чтобы невесты не стеснялись.

Бааз и Ильконо оборачиваются в сторону, многие смеются.

А, подумаешь, как все это глупо!

Куз-Бике, Гузель, Селихат и другие девушки, подходя к Эвнису и Зоволу, закрывая наполовину лица широкими рукавами, рукавами, здороваясь, тихо уходят.

Добро пожаловать! С благополучным возвращением!

Зоволу. *(радостно)*. Ну же, поворачивайтесь поскорее! По крайней мере, мы полюбуемся вашими милыми мордашками, а вы нами, молодцами.

Многие поворачиваются и делают, как бы гримасы пренебрежения.

О, ведь я знаю, что вы этого вовсе не любите. Покажите себя лишний раз нашим молодцам!

Девушки. *(хихикая, качая головками, стыдливо восклицают)*. Ай, ай, ай...! Какие вещи он говорит! *(Все смеются)*. Так и нужны вы нам!

Зоволу. *(не моргнув и глазом)*. Придет время, когда не только будем нужны, но и попросите, не придем! А Куз-Бике, Гузель соблюдая обычай, конечно, ни за что не покажут нам, при женихах, ни своих жемчужных зубок, ни очаровательных небесных глазок...

Все смеются.

Если это им нравится, то пусть себе на здоровье. Но тем хуже для них и для женихов. Не правда ли, друг Эвнис?

Девушки. *(фыркая, еще пуще прижимаясь друг к другу, совершенно заслонив собою Куз-Бике и Гузель, тихо)*. Уй! Уй! И не улыбнется! Бесстыдный!

Эвнир. (*улыбаясь, к Зоволу*). Видно, ты, брат, за словом в карман не полезешь и мастер на все руки! (*Взяв его за руки и трепля*). Люблю эдаких!

Бааз. (*также смеясь, желая подтрунить над Зоволу*). Еще бы! Не только на все руки, но, кажется, и на все ноги. Это его настоящая специальность... Ты его еще мало знаешь.

Все смеются.

Арслан. (*улыбаясь*). И специальность, если хочешь, только для него и подходящая! Наши девицы и молодые женщины по нем прямо с ума сходят... И на самом деле, что может быть лучше и приятнее в мире, чем быть любимцем женщин? А он у вас один из таких женских сердцеедов? Даже завидно! (*Трепля Зоволу по плечу*). Не правда ли, брат Зоволу?

Зоволу. (*кивая вверх-вниз головой и садясь на низкую скамейку*). Да, да! Рассказывайте сказки! А, в конце концов же выходит, что я только для вас-то сорванцов и стараюсь! Вам –то это, положим, очень хорошо... А мне же, как говорят: «...только по усам текло...».

Ферадж. (*желая уязвить Зоволу*). Хотя, кажется, и усиленно он рыщет всюду, чтобы и в «...рот попало...»

Все смеются.

Зоволу. (*шутливо, увидев совсем спрятавшихся невест*). Ой, вы, невесты-красавицы! Что вы там попрятались, женихов испугались, что ли? Не бойтесь! Я – Зоволу с вами! Всегда выручу! (*К Бааз и Эвниру*). А вы что же? Ну а ты, мой друг, Ильконо, что же наусупился и молчишь?

Ильконо. (*встрепенувшись*). Мне что? По мне, пусть становятся не только спиной к вам, но и ногами вверх, или пусть провалятся в Тар-та-ра-ры... право слово верно... (*Оживляясь*). Но мне только очень жалко, что мы помешали и не дали им, как следует сцепиться...(*Как бы преобразившись*). Ужасно люблю смотреть, как женщины ругаются или дерутся! (*Показывая жестами, как именно*). Видали? Как бараны? Право слово!

Все улыбаются.

Гузель. (*с трудом сдерживая внутренне волнение, тихо*). О Боже! (*Хочет вырваться, но ее держит Селихат*).

Зоволу, заметив волнение среди девушек,
тянет незаметно за фалды Ильконо.

Ильконо. (*не обращая внимание, оживленно*). Сначала друг против друга назад, потом друг против друга когтями, вот эдак. (*Показывает с уморительными кривляньями и жестами, как бараны, рогами вперед*). Тра-а-х! Постукались лбами, то назад, то вперед. Одно удовольствие, да и только. Право слово.

Все хохочут.

Гузель. (*вырываясь из рук Селихат, тихо*). Пусти же меня!

Селихат. (*удерживая ее, незаметно, тихо*). Ну, чего ты? Молодые люди... Смеются, шутят...

Куз-Бике. (*взволнованно, тихо*). Тебе все ничего! И все- шутки! Как дурочка, ничего не понимаешь?

Эвнир. (*к Ильконо*). А, по-моему. Это не только глупо и дико, но прямо стыдно! Ты должен знать, что

твой взгляд на женщину - есть пережиток варварских веков!

Ильконо. (*взволнованно*). Стыдно, стыдно... Что набросились, словно стая воронов? А чего, вы, скажите, хорошего нашли в них, чтобы мы считали бы своею обязанностью кланяться им, не делая без них ни шагу, и чтобы на веки прицепить их к себе? Женщина всегда была «нечистью» и, сколько ее не мой, такую же она всегда и останется, а стало быть, ни ума, ни знания нам они, ни чуть не прибавят, разве только у нас же, если есть, что-либо хорошее вырвут с корнем и уничтожат. Для нас, казалось бы, достаточно и одного того примера, что сделала наша праматерь Ева с нашим праотцем Адамом. А вам они нравятся! Так возитесь сами: ставьте их на свои головы, живите под их подолам! Право слово!

Бааз. (*с негодованием*). И говорит-то он так грязно и пошло. Так бы ему только дать по морде!

Зоволу. (*добродушно к Ильконо*). Ай, ай, ай! Твое место, я вижу, только бы в поганные евнухи к какому-нибудь паше. Кстати, и долговязый ты... А длинные ноги, говорят, отличительная черта евнухов.

Эвнир. (*раскрыв рот, как бы «не веря своим ушам»*). Ведь это прямо ужасно! (*К Данилу и Фераджу*). А вы что же, братья, молчите и не протестуете, что нельзя так позорить женщину?

Арслан. (*к Эвниру*). Оставь, пожалуйста, их! Ты не видишь что ли, что они из породы таких же диких, что говорить им тоже, что стенам и деревьям?

Зоволу. (*в сторону*). Этот паршивоголовый «чупур»³, оказывается, еще свирепее, чем наш евнух... Бедные женщины, бедная Гузель, будущая жена его! Прямо сгрызет!

Эвнир. Так... а с будущей женой, значит, все же должно быть что-либо у них общее?

Ферадж. Да... но тогда, когда это нужно будет...

Даниил. Правильно! Тогда он и введет ее в круг своих желаний и обязанностей.

Зоволу. (*саясь на скамейку, иронически, к Данилу*). Скажите, пожалуйста! А сам-то головой и ногой, весь «под башмаком» у своей милой Аксы.

Эвнир. (*в ужасе*). О, Боже мой! Что же тогда будет? Он тогда живьем закопает жену!

Ферадж. (*скоро*). А будет то. Что она должна быть его честной, преданной и послушной женой... женой, любящей своего мужа и детей. А затем, поверьте, чем меньше внимания на них и чем строже с ними, тем лучше. Не бойся, не умрут. Женщина, говорят, что кошка, которая, если ей захочется кушать, то, не задумываясь утолит голод и собственными котятками...

Зоволу. (*добродушно*). О, свирепый Олоферн!⁴ Попадешься же и ты когда-нибудь в руки какой-нибудь красавицы, которая снимет с плеч твоих твою рыжую голову!

³ Чупур – лицо, «побитое» оспой.

⁴ Олоферн – злой ангел (дьявол).

Арслан. (с негодованием, к Эвниру). Ну, что? Я сказал тебе? Это уж такая «тройка», у которой, что засело в башке, то и топором не вышибешь!

Бааз. (с горечью, к Эвниру). И такими «тройками», к несчастью, сплошь заселены все наши аулы... поэтому, брат, нам нужно поскорее побольше света, чтобы рассеять эту темноту, уничтожить этот мрак. И в этом ты должен помочь нам, возобновив поскорее и гласно наши занятия. Хотя бы для этого пришлось бороться со всем обществом.

Ильконо. (едко ухмыляясь). Ха! Мы не кланялись, и не будем кланяться вашим поганым наукам. И чему, скажите, учат ваши науки и ваше новое просвещение? В Бога не верить и не молиться, курить, в карты играть и по непозволительным местам ходить! Ни Господа Бога, ни отца, ни мать, ни во что не ставить! Черное сделать белым, а белое черным и с ловкостью мошейника в карманы друг друга лезть, чужих жен отнимать! И вы хотите, чтобы мы преклонялись перед вашими погаными науками, и чтобы наш народ за это благоговел бы перед вами! Не дождетесь!

А по следам этим идут теперь и наши женщины, и девицы, потеряв всякий стыд, как сегодня Куз-Бике.

Ферадж. Это правда. И я скажу, что если бы это была моя сестра Гузель, то я разрезал бы ее прямо на куски!

Бааз взволнованно делает движение вперед,
но, подумав, удерживает себя.

Даниил. И не дай Бог, чтобы Гузель когда-нибудь походила на нее.

Бааз в волнении сжимает кулаки.

Зоволу. *(к Фераджу).* Ты всех готов перерезать. Погоди, брат! Попадешься же ты когда-нибудь на виселицу за такую прыть свою!

Ферадж. *(не слушая Зоволу).* А то, как же! Слыханное ли дело, чтобы девушка позволила себе заговорить в народе, да еще в присутствии жениха? Им все ни почем! Даже восхваляют ее!

Бааз. *(выйдя из себя, к Фераджу).* Это не твое дело, щенок! Ты знай только твою сестру и не забывай, что я еще здесь!

Ферадж. *(возбужденно и стремительно, встав перед ним).* Ты сам паршивый щенок и самая поганая собака! Я говорю то, что есть, и ты не можешь запретить мне.

Бааз. *(относительно спокойно).* Не только запрещу, но замкну твой дурацкий рот, вырву с корнем твой болтливый язык, если еще раз заикнешься о ней! Я покажу тебе, что, значит оскорблять женщину!

Ферадж. *(берясь за рукоятку кинжала).* Ну-ка! Это очень интересно и ты еще хуже женщины, если не исполнишь угрозы!

Арслан. *(чувствуя крупную ссору и встав между ними).* что вы? Вы оба с ума сошли! *(К Баазу).* Ты ведь старше его, стыдись! *(К Фераджу).* А тебе не подобает вселять раздор между женихом и невестой: большой грех! Не твое дело вмешиваться.

Зовлу. *(мигая Арслану, тихо).* Оставь их, не трогай! Ферадж хочет показать нам, как он владеет кинжалом, а Бааз покажет ему, как вышибают кинжал и из глаз летят искры!

Ферадж. *(отталкивая Арслана и выхватив из ножен кинжал)*. Я требую, чтобы он немедленно привел в исполнение свои угрозы и не позволю, чтобы всякая дрянь оскорбляла наш дом, топтала бы здесь обычаи наших отцов!

Бааз. *(быстро нагнувшись в сторону и схватив одну из жердей, к Арслану)*. Оставь его, не мешай, пожалуйста, ему, видно, очень хочется, чтобы я размозжил его голову!

Девушки. *(вбегая на шум)* О, Господи! Ферадж и Бааз! *(Подходя к одному, к другому, всплескивая руками)*. Что вы делаете? Из-за чего это случилось? Чего не поделили?

Гузель. *(схватив Фераджа за руки, взволнованно, тихо)*. Ты с ума сошел! *(Обращаясь тихо к окружающим)*. Что такое у них случилось? Вечно с тобой такая история! Идем отсюда!

Куз-Бике. *(тоже подбежав, но, не решаясь идти к Баазу и становясь перед Фераджем, тихо)*. Как же! Он без кинжала и слова ведь не может сказать! Подумаешь, что весь свет должен подчиняться ему и некому остановить, а сам еще не в состоянии и носа себе вытереть.

Ферадж. *(вырываясь)*. Молчи, ночная кошка! *(Гузель удерживает его и плачет)*. Ты лучше убирайся к своему хвостуну, пока голова твоя еще на месте!

Селихат. *(отталкивая Куз-Бике и становясь на ее место)*. Хороша и ты! Хорошее масло подливаешь в огонь! Стыдись! *(К Фераджу)*. Стыдно, Ферадж, и тебе... Не для этого мы пришли к вам!

Арслан. *(укоризненно, покачив в сторону Зовулу, схватив за правую руку Фераджа, ловко вырвал у него кинжал, который передает Эвниру и, оттолкнув Фераджа, у которого падает папаха, в сторону).* И ты, оказывается, отлично исполняешь заветы отцов, не соблюдаешь долга гостеприимства, не слушаешь старших! А сам еще упрекаешь других, становится на одну ногу с женщиной, хулить перед всеми девушку! Это не стыдно, а позорно для мужчины!

Ферадж. *(взволнованно).* А почему эта, потеряв всякий стыд, девушка, из-за которой мне хотят разmozжить голову, сама приходит вновь сюда, и еще учит меня?

Гузель. *(подняв папаху Фераджа, тащит его за руку, взволнованно, тихо).* Ради Бога, прошу тебя! Уйдем же поскорей отсюда, а то еще может нагряться отец, который страшно огорчится твоим поступком! Не для этого мы позвали гостей!

Ферадж. *(видя, что и кинжал у него отняли, и все осуждают его).* Ты сказала правду. Я подтверждаю, но такую девушку как Куз-Бике, я не только убил бы, но содрал бы с нее кожу и бросил бы собакам!

Арслан. *(сняв с его пояса ножны, взяв у Эвнира обратно кинжал, плюнув, по обычаю, на него, слегка воткнув острие его в землю, вложил в ножны, толкая Фераджа подальше).* Это не твое дело, говорят тебе! Если бы я был на месте Бааза, я еще не то сделал бы за такое оскорбление моей невесты! Живого не оставил бы! Счастье твое, что это происходит в нашем доме. А то и он едва ли удержался бы!

Ферадж. *(успокоившись и уходя с Гузель).* Я сказал правду. Пусть не ругается!

Эвнир. *(укоризненно глядя на Зоволу).* Братья и сестрицы мои! Тут вышло маленькое недоразумение, в котором сначала виноваты мы все, что затеяли с Ильконо такой спор, а потом, конечно, Ферадж, которого никак нельзя бы оправдать, если бы он не был так молод и взрывчат, как порох. Поэтому я, как брат его прошу у всех вас, особенно у брата моего Бааза и за себя и за него, глубокое извинение!

Зоволу. *(вставая, к Фераджу).* Что, правда, то правда! Ты еще слишком зелен и ядовито горек. А признаться, еще раз скажу, очень бы хотелось, чтобы он *(указывая на Бааза)*, отхлестал тебя хорошенько за твою вечную прыть - хвататься всякий раз за кинжал, но гадкий Арслан и нехорошая моя сестрица Гузель, лишили меня этого редкого удовольствия. Теперь, давай-ка мне твою руку. *(К Бааз).* И ты, Бааз, не отворачивайся. И ты очень хорош! Думал, что будешь несколько поумнее его, а выходит – «пара глупых быков в одной арбе».

Бааз и Ферадж отворачиваются и хотят вырваться.

Ту! А быки так таки очень сердитые.

Все смеются, хохочет и Зовлу.

А теперь, дорогие братья и миленькие сестрички, не грех бы нам, кажется, немного и повеселиться! А, как думаете? Давайте музыкантов! *(Бежит, берет из-под дерева гармошку и тамбуру, которые передает Селихат).*

Все. *(за исключением Бааза, Фераджа и Ильконо, радостно).* Да, да! Конечно, конечно!

Зоволу. (*к Селихат, давая гармошку и тамбуру*).
Итак, моя золотая Селихат, начни-ка! А ты, милая
Гузель, не откажи своему брату, Зоволу, протанцевать
с ним нашу лезгинку.

Эвнир. (*хлопая в ладоши*). Так, так! Молодчина,
Зоволу, прямо молодчина! Ура ему! Ура!

Все хлопают и подхватывают: «Ура!» Селихат с другой девушкой
играют на гармошке и тамбуре. Все периодически кричат: «Ура!» и
хлопают в ладоши. Зоволу и Гузель танцуют лезгинку.

З А Н А В Е С .

ДЕЙСТВИЕ II

«Гечелей»⁵.

Ночь. Иогудит убирает комнату, ожидая прихода жениха Гузели с его другом, Зоволу, на «Гечелей». На одной полочке у топящегося очага стоит зажженная лампа, на другой зажженная свеча. Томор подходит к большому зеркалу, висящему на стене.

Томор. (*прихорашиваясь перед зеркалом*). Давно ли, подумаешь, и у меня были «гечели»? теперь скоро и сын мой будет ходить на «гечелей», а я уж почти старуха. (*Грустно*). Скоро наши женщины стареют.

Иогудит. (*с завистью*). Ты и теперь, моя дорогая невестка, молода и красива! Видно, что живешь в городе! Мы же в ауле, совсем другое дело. Работаем с ранних лет: кто в саду, кто в поле, кто ухаживает за скотиной, за птицей, чистим двор, конюшни, тащим на себе воду, готовим кушанье, шьем на семью...Словом, встаем на заре, ложимся поздней ночью. От такой работы некогда собой заниматься. И не мудрено еще более постареть, чем вы, городские!

Томор. (*заканчивая свой туалет*). А мы, по-моему, ничего не делаем? Одних гостей-то со всех аулов сколько прибывает? Нет дня, чтобы не было по одному, по два кунака, а то сразу по 5-6 человек. Изволь-ка на всех и хлеб испечь, и приготовить, и подать, и прибрать, и постели постелить. А тут еще и семья своя, и дети. Иногда так устанешь, что ляжешь, встать не можешь! Вы, аульные, об этом и понятия не

⁵ Гечелей – нумкурдевози (на яз. горских евреев)-посещение накануне свадьбы.

имеете. Иной за душой ничего не имеет, а кунаки приехали: откуда хочешь достань – долг гостеприимства! И вся семья в услужении!

Иогудит. Это тоже, правда! Я вижу и вам не сладко живется, но нам с полевыми и всеми другими работами, все-таки гораздо труднее. Многие из нас даже и дрова сами рубят, так как многие ленивые мужчины говорят, что им это неприлично, то есть возиться с домашними делами – это не их дело, а женщин.

Томор. И ты права: всем нам, моя милая, очень трудно живется...

Акса. (*поспешно входя*). Ну, что? Не опоздала? Ну, давай, поскорее уберем! (*К Иогудит, тихо*). Я сейчас видела Зоволу, он сказал, что будет с женихом часов в 11, когда все улягутся спать. Теперь надо позвать Гузель, Куз-Бике и Селихат, но так, что бы Гузель не знала, иначе ни за что не придет. А Селихат я предупредила. Ну, скажи, что бы такое выдумать?

Иогудит. (*тихо*). Я пойду принесу сегодняшние наряды. Она ведь их еще не видела. Вот мы и будем показывать ей, а тем временем придут и гости. Кстати, приготовлю закуски и фрукты. (*Уходит*).

Акса. (*шепотом, почти про себя*). Это хорошо придумано! (*К Томор*). Какая у нас Иогудит умная и работающая. Я ее очень люблю.

Томор. (*в сторону, уверенно*). Да, она, видимо, очень хорошая, без нее твоей маме было бы очень

тяжело. (К Аксе). Ну, как живется тебе? Как твой «Рамбом»⁶?

Акса. Все, Слава Богу, хорошо! Свекор меня любит. Чего же еще?

Иогудит. (входя с завернутыми в платок нарядами, кладя их на ковер и слыша последние слова Аксы). О, свекор по ней с ума сходит, и не знает куда посадить. Божится ее именем!

Томор. Это хорошо. А как свекровь?

Акса. Она тоже очень меня любит и не дает работать. Скорее сама все сделает. Всему меня учит.

Томор. Я очень рада за твое счастье. Ну, а муж?

Акса. (стыдливо улыбаясь, молчит).

Томор. (смеясь). Вижу, что тоже очень любит. (Обнимает и целует ее). Разве можно не любить такую красавицу! Давно ли, ты была девочкой? А теперь, настоящая женщина! (Хватая ее за талию). И какая стройная! (Задумчиво). Когда-то и я была такая же. (Целует ее). Я очень и очень за тебя рада! Ну, пойду к женщинам.

Акса. (порывисто, также целует ее). Ты и теперь, дорогая невестка, очень красивая. (Томор кокетливо улыбается и уходит).

Иогудит. (улыбаясь). И я ей это сказала. (Весело). А она этим, по-видимому, очень интересуется. Видно, что городская, хотя у нее скоро и сын уже мужчина. А говорит, что им труднее живется, чем нам. Попробовала бы работать в поле под палящими лучами солнца, не была бы такая

⁶ Рамбом – возлюбленный (как Ромео).

белолицая. Ну, иди посмотри самовар, принеси фрукты и позови Гузель с подругами.

Акса. *(в сторону)*. Умная она, но и завистливая же! *(Про себя)*. А если не пойдет Гузель? *(Уходит)*.

Иогудит. *(одна в раздумье)*. «Гечелей»-то мы устраиваем, но не знаю, что из этого выйдет. Не нравится мне, что Арслан шушукается постоянно с Гузель. Сегодня и она, и он очень хмурые? Боюсь, не овладел ли он ее девичьей душой! И Ильконо, тоже, «ни яблоко, ни груша», ни к чему, видно, не годен. Что за мужчина, который даже дров не умеет рубить? Я лучше его и скорее рублю. Однажды, целый день рубил одно деревце и чуть ногу себе не отрубил. Приходим на крик и плач. Чувяк разрезан, кругом кровь, палец чуть задет. Сам даже перевязку сделать себе не сумел. Да и Гузель жалко! И какая она ему пара! Как небо и земля! Ну, все-таки надо делать, что возможно! Сегодня они впервые знакомятся, как жених и невеста. Кто знает, может быть, он постарается и понравится ей, а там, авось, все пойдет по обычному пути, как у всех нас. Не знала же и Акса своего Даниила, а теперь, как счастлива!

Акса. *(входя с подносом)*. Вот и фрукты. Самовар тоже закипел, и чай я заварила. Сейчас придет и Гузель с подругами. *(Ставит поднос в сторону)*. Насилу уговорила.

Входят Селихат, Куз-Бике и Гузель.

Селихат. *(живо)*. Вот должно быть интересно! Ну-ка, милая Иогудит, покажи нам наряды. Я целый день сгорала от нетерпения, хотела увидеть их поскорее. Меня очень интересуют цвета бешмета и

рубашки. Я спорила с Куз-Бике и говорила, что материи должны быть разные, а она, что одинаковые).

Куз-Бике. Конечно, в одинаковых больше красоты.

Селихат. (*быстро оглядев*). А вот и, на самом деле, разные. Как я рада!

Куз-Бике. Ну, у нас вкусы с тобой во всем разные.

Иогудит. (*развертывает шелка, ставит на пол лампу и садится на ковер*). Садитесь и вы. (*К Гузель, задумчиво стоящей*). А ты, что же, моя девочка, не садишься? (*К Аксе*). Запри, пожалуйста, окна и двери на балконе.

Акса. (*к Гузель*). Садись же, довольно тебе стоять. (*Затирает окна и двери на балконе*).

Гузель. (*угрюмо*). Ничего, я постою. Целый день сидела.

Куз-Бике. (*с участием*). Скажи лучше, моя сестрица, что ты целый день плакала?

Селихат. (*глядя с упрёком на Куз-Бике, собирая материи, делая складки и освещая их*). Посмотри, Гузель, какая прелесть! Это должно быть на бешмет: малиновый шелк с золотыми цветами. Ну, садись же! (*Тянет ее за рукав.. Гузель садится и смотрит равнодушно*). А это? Что за красота – золотисто-желтый шелк для рубашки. А это? Парча для шаровар и бархатная лента для их подола. И какая красивая! Это шелковый платок. Какой большой! Это черный шелк с позолотой для чепчика. Очень красивый! А вот чулки, сафьян для чувяков, башмаки.

Куз-Бике. *(со злостью)*. Ничего особенного не нахожу. Подвенечные платья, как платья. Ну я пойду, а то поздно. Спокойной ночи. *(Целует Гузель и тихо говорит ей)*. Бедная моя, ты так измучилась сегодня. Иди пораньше спать, отдохни хорошенько, иначе они будут дурить тебе голову целую ночь. *(В сторону)*. Тьфу, какие они все противные! *(Уходит)*.

Селихат. *(тихо, в сторону)*. Ах, какая это Куз-Бике злая и лстивая. *(Громко)*. Эти материи должно быть для домашних платьев. Ну, какая прелесть!

Иогудит. *(обращаясь к Гузель)*. Видно дядя Кардаш⁷ выбрал их с большим интересом и любовью к тебе.

Акса. А как он с ней говорит, прямо только дышит ею! *(К Гузель)*. Что же это ты, ничего не говоришь? Может быть, тебе материи не нравятся? Тогда дядя Кардаш сказал, что может поменять.

Гузель. *(нехотя)*. Нет, нравятся. Но мне сегодня немного нездоровится, голова сильно болит.

Селихат. Мы, девушки, в такой день всегда так. Сколько у меня было подруг, ни одной не видела веселой. По-моему, это вполне понятно: «табаг»⁸ - заря нашей новой жизни, в скорое наступает и утро. Вот тогда должно быть весело!

Гузель. *(серьезно)*. Перестань говорить глупости! Откуда ты все это знаешь?

Селихат. Ха-ха-ха! Конечно, знаю!

⁷ Кардаш – свекор, в тоже время брат отца.

⁸ Табаг-подносы с подарками и сладостями в день обручения (на яз. горских евреев).

Все смеются.

То есть не знаю, а слыхала со слов подруг. (*К Гузель*). А после «табаг» всегда устраиваются и «гечелей». Ах, если бы ты знала, как это интересно! Ха-ха-ха!

Все смеются.

Гузель. (*сердито*). Перестань же! (*Тихо*). Стыдись хоть Иогудит.

Иогудит. (*к Селихат*). А твой жених давно был здесь?

Селихат. (*стыдливо*). Две недели тому назад. (*Улыбаясь*). И нам устроили друзья «гечелей». (*Живо*). Мы так весело провели время! Гости ушли только к утру, когда занялась заря. Ха-ха-ха!

Все смеются, кроме Гузели.

Селихат. (*к Гузель*). Вдруг мы на будущей неделе и тебе устроим «гечелей»! Вот бы я на тебя посмотрела! Хи-хи-хи!

Гузель. (*закрывая лицо руками*). Нет, нет! Меня прошу оставьте, пожалуйста, в покое. Ни за что!

Акса. Напрасно, я тоже вспоминаю о своих «гечелей», как о самых лучших минутах моей жизни!

Селихат. И кто «гечелей» не видел, тот значит, ничего хорошего не видел, не испытывал!

Акса. (*заклячая Гузель в свои объятия и долго, долго целуя ее*). Ты такая у нас душечка! Давай же посмотрим платья! (*Вновь рассматривая их*). А мне кажется, очень хорошие цвета.

Гузель. (как бы несколько интересуясь, но холодно). А «галуны»⁹ есть?

Все. *(живо обрадовавшись кажущейся перемене в настроении Гузели)*. Как же! (Показывая). Вот и золотые

«галуны». Да какие они широкие!

Селихат. *(восторженно)*. Если обшить ими рукава и подол, то это выйдет такая прелесть, ты будешь в них прямо «Бике»¹⁰!

Иогудит. Тут тебе есть подарок! *(Разворачивая платок, из которого вынимает роскошный позолоченный ажурный пояс, такую же пряжку для бешмета и рубашки)*. Нравится тебе?

Гузель. *(холодно)*. Ничего, хорошие вещи!

Иогудит. А к свадьбе папа и дядя обещают сделать тебе ожерелье из золотых монет и одного золотого талера¹¹ внизу. Знаешь, такое же, как и мое. *(Обращаясь к Аксе и Селихат)*. Ну, теперь, мы немножко закусим и выпьем чайку. Надеюсь, мои сестрицы, вы, конечно, останетесь сегодня здесь, чтобы Гузель не было скучно.

Селихат. Я так и сказала дома, что останусь здесь. *(К Аксе)*. Оставайся и ты, Акса. Нам будет веселее! *(К Гузель)*. Проси же и ты.

⁹ Галун – бофте (на яз. горских евреев) плотная лента или тесьма 5-60 мм из хлопка или шелка, с серебряной или золотой нитью. Используется для обшивания одежды.

¹⁰ Бике – красавица.

¹¹ Талер – большая золотая или серебряная монета - 28гр., чеканилась с 1518 года в Богемии, до 1907 года была в обращении.

Гузель. (*к Аксе, в недоумении*). Ну, что же? Оставайся!

Акса. Не знаю право. Будет ли у вас место, где спать? У вас много гостей! Я сегодня так устала!

Иогудит. Как-нибудь устроимся! На полке еще много постелей. Значит, ты остаешься? Все трое будете спать здесь. А я пойду и принесу самовар, а ты постели пока. (*Уходит*).

Акса. (*стеля три постели, к Гузель*). Я осталась из-за тебя. Как я рада, что ты немножко развеселилась!

Гузель. (*как бы веселее*). Да, мне теперь немного легче.

Селихат. (*авторитетно*). Так будет лучше. Я тебе говорила. Еще не такие радости ты увидишь в жизни. Тебя так все любят!

Гузель. (*задумчиво*). Может быть.

Селихат. Не может быть, а наверно. Разве ты не видишь?

Иогудит. (*входя*). Вот и самовар, сейчас и ужин подадим. (*К Аксе*). У тебя постели уже готовы. Пойдем, помоги мне. (*К Селихат*). А ты, милая, разложи и приготовь пока фрукты.

Иогудит и Акса уходят.

Гузель. (*грустно*). Мне сегодня так тяжело, что хоть руки на себя наложи!

Селихат. (*вытирая и раскладывая яблоки, груши и другие фрукты*). В жизни все, душечка, переносится, но для этого нужна сила воли. Я надеюсь, что ты «его» еще и полюбишь.

Гузель. (*грустно*). Не думаю, но видно ничего не поделаешь. (*В волнении, ломая руки*). Но ты пойми, что я его совсем не люблю!

Селихат. Мне тоже сначала казалось, что я не люблю «своего». Я болела, металась неделями в постели, а потом, когда узнала, так его полюбила, что мне кажется, не будь его, так и теперь лишила бы себя жизни!

Гузель. На твою долю выпало случайное счастье и еще потому, что тебя недавно обручили. Ты его не знала, а потом вскоре же узнала и полюбила. Он и на самом деле мужчина! А «мой»? Его и узнавать-то нечего! Он весь, как на ладони. Я его знаю с детства, как человека ни к чему не способного, тщедушного, глупого и в тоже время страшно упрямого! Если бы я его не знала, может быть, было бы лучше! Это пень без души, которого ничто не может оживить!

Селихат. Под твоим влиянием он, наверное, переменится, так что ты его вскоре и полюбишь.

Гузель. (*не слушая Селихат, оживленно*). Я думаю, мне тогда бы только понравился мужчина, если бы я видела, что и сильнее, и смелее, и умнее меня! А в нем ничего этого нет, и не будет!

Селихат. Может быть, все это еще появится? Он еще так молод!

Гузель. (*целуя Селихат*). Может быть, но я не верю.

Иогудит и Акса вносят на одном подносе кушанье,
на другом чайные приборы, а потом самовар.

Иогудит. Вы все целуетесь! Это значит, что Гузель теперь в хорошем настроении. Как настоящая

невеста. Я очень рада! (*К Аксе, тихо*). Я запрю с той стороны внутренние двери и посмотрю, нет ли гостей. (*Уходит*).

Акса. (*к Гузель*). Ну, милая Гузель, встань и распоряжайся! Ты сегодня хозяйка, а мы твои гости. (*Садится, за ней и Селихат*).

Гузель. (*вставая, нехотя засучивая широкие рукава*). Очень рада! (*Ставя на поднос чай, и подавая*). Милости просим!

Иогудит. (*входя, хочет закрыть дверь, но в проеме двери появляется голова Зоволу*). Тьфу, как ты меня напугал!

Зоволу. (*подавая узел, тихо*). Тсс! Это тебе, Аксе и Селихат подарки за «гечелей».

Гузель. (*услышав шум и шорох*). Кто там? Запри поскорее дверь!

Селихат и Акса. (*как будто всполошившись и вставая*). Спроси прежде, кто там?

Гузель. (*видя, что не запирают дверь, испуганно*). Запри же дверь поскорее!

Зоволу. (*входя с другим узлом в руках*). Не бойтесь, не бойтесь! Это я – Зоволу! Проходил мимо. Увидел у вас свет и зашел. Примите гостя? Добрый вечер!

Все, кроме Гузели, которая страшно смущена, встают, подходят, подавая руки.

Очень рады! Добро пожаловать!

Иогудит. (*к Гузель*). Ты что же? Не видишь Зоволу, что ли?

Гузель. *(вставая, догадываясь, в чем дело, страшно волнуясь и несмело подавая руку, тихо).* Добро пожаловать.

Июгудит. *(отойдя в сторону, тихо Аксе).* Теперь я впусти еще жениха, запру дверь сзади и уйду, а ты с Селихат «смотрите в оба», чтобы, во-первых, Гузель не убежала, а во-вторых, чтобы молодежь не допускала вольностей. Затем, смотрите же, не спите!

Акса. *(тихо).* Знаю, знаю! Не будем спать!

Июгудит. *(тихо).* Я еще приду. А подарки получите завтра от меня. *(Хочет уходить, встречается с Ильконо).* А, и ты здесь? Ну, иди, милости просим! *(Впускает его и тихо запирает снаружи).*

Ильконо. *(входя также с узлом в руке, споткнувшись на пороге, ворча про себя).* Тьфу, какая темнота! Чуть не упал! Всею виноват этот Зоволу. Пристал: «Пойдем, да пойдем!» *(Видя строгий взгляд Зоволу).* Право слово, верно. *(Громко).* Добрый вечер!

Селихат и Акса. Вечер тебе добрый! *(Кладут ему подушку на почетное место).* Милости просим! Садись!

Ильконо важно проходит на почетное место, садится.

Гузель вздрагивает, становится спиной и осматривается по сторонам, как бы убежать.

Акса. *(подойдя к Гузель).* Будь же умницей! Подойди и поздоровайся!

Гузель. *(мотая головой, бежит к двери, находит ее запертой снаружи, бежит к другой – тоже, к третьей – тоже, в ужасе хватается за голову, рыдает).* О, Господи! Что же это такое? Нас заперли!? Это ужасно! *(Стремится к окнам, Акса и*

Селихат удерживают ее, а она вновь стоит спиной к гостям и хнычет).

Селихат. *(тихо Гузели).* Нельзя вести себя так, как девчонка. Как будто ты его боишься! Ты только исполняешь свой долг, исполняешь обычай. Стыдно перед Зоволу. Открыто прийти к невесте считается неприличным, вот обычай и ввел «гечелей». Они сегодня твои гости, а ты, оскверняя обычай гостеприимства, бежишь от них, плачешь. Если же непременно хочешь настоять на своем, то это надо сделать как-нибудь деликатно. Он, положим, ничего тебе обидного не сделал.. Это такой тихий, как видишь, благородный человек.

Акса. *(подходя и как бы вытирая глаза от слез, тихо).* Тебе видно, никого не жаль. Нельзя быть такой бездушной. Ну, иди же, распоряжайся!

Гузель. *(стоя спиной к ним и мотая головой, тихо).* Ничего я не хочу! Оставьте меня в покое! *(Перестает хныкать).*

Зоволу. *(подходя к Гузель и протягивая руку).* Добрый вечер, Гузель! Ты, значит, страшно сердилась на меня?

Гузель. *(продолжая стоять спиной, тихо).* Я сказала: «Добро пожаловать!» *(Не глядя, еще раз подает руку).*

Зоволу. Вот это я люблю! Я всегда говорил, что ты не злая! Ну, чего же ты недовольна, моя хорошая сестрица? Может быть, ты недовольна нашим посещением? Тогда скажи, мы сейчас же уйдем! А я давно не видел тебя, соскучился и зашел поведать, как родную сестру, захватив, кстати, и его. Может

быть, ты слышала от подруг разные глупости и боишься нас? Тогда я даю тебе торжественное слово, что тебе нечего нас бояться, так как мы не звери, и, Боже упаси, не сделаем тебе не только ничего плохого, но и неприятного! (Пауза). Ну, скажи же.

Гузель. (тихо). Я рада, что ты пришел и не боюсь тебя.

Ильконо. (подзывая Зоволу, тихо). Не уйти ли, на самом деле, нам? Я говорил тебе, что она упрямая. Такая и есть! Право слово, верно!

Зоволу. (подходя к Ильконо, тихо). А ты хочешь, чтобы она сразу согласилась? Этого, брат, никогда не бывает! На то она и женщина! Ты, брат, очень мало знаешь женщин. Поэтому предоставь мне право просить ее принять участие в нашем веселье и не молчи, если тебе скучно, то побеседуй с Селихат или с Аксой. Это будет еще лучше.

Ильконо. (тихо и с пренебрежением). О чем с ними я буду разговаривать? Что же касается ее (Указывая на Гузель), то я ее также не буду просить, а ты как хочешь. Право слово.

Зоволу. (передразнивая, тихо). О чем другие молодые люди разговаривают с девушками или с молодыми женщинами? Тебе, брат, надо учиться быть и интересным женихом, раз ты хочешь жениться.

Ильконо. (почти громко). Разве я женюсь по своей воле? Меня женят - вот что! Право слово, верно!

Зоволу. (гневно, тихо). Т- ссс! Не ори хоть!

Ильконо. (тихо). Разве она мне пара? Читать не умеет. Право слово!

Зоволу. *(добродушно, тихо)*. Ну, брат, если отвечать тебе, то ты со всеми своими книгами не стоишь и ее мизинца. Не умеешь вести себя в обществе, хоть молчи! Пусть думают, что ты настолько умен и учен, что на пустые разговоры не можешь настроить себя. А я сказал бы, что учен только тот, кто может приспособиться ко всякому случаю и поддержать разговор во всяком обществе – мужском, женском – все равно. *(Подойдя вновь к Гузель)*. Да, ты сказала, что рада мне, и что меня не боишься? Кажется так?

Гузель. *(почти шепотом)*. Да...

Зоволу. А кого же боишься?

Гузель. *(молчит)*.

Зоволу. Ну, ты еще дитя. Если ты меня не боишься, то не должна при мне бояться также никого. Ты не хочешь с «ним» разговаривать? И не надо! Пойдем, посиди со мной: ведь я люблю тебя, ты знаешь, сестрица. *(Берет ее нежно за руку и талию и тянет к самовару, но Гузель не хочет)*. Ну, идем же. Дай мне стаканчик чая. Я так расстроен и так хочу пить. А из твоих милых рук это будет прямо, как успокоительный бальзам.

Гузель *(освобождая руку, тихо)*. Хорошо... отказать тебе трудно. *(Берет поднос, присаживается спиной к ним, моет стаканы, вытирает их и наливает чай)*.

Зоволу. *(к Аксе и Селихат)*. Ну, вы садитесь около жениха, а мы с Гузель будем поодаль от вас.

Ильконо. Постель хоть бы убрали, а то негде им сесть! Право слово, верно!

Зоволу. *(живо, делая отрицательные знаки Селихат и Аксе, к Ильконо)*. Тебе ведь она не мешает, а Акса и Селихат пусть садятся прямо на постель, еще лучше – будет мягче.

Селихат и Акса. *(саясь на постель)*. Хи-хи-хи!

Селихат. *(тихо Аксе)*. Какой он деточка! Ничего не понимает! Хи-хи-хи! *(Смеется и Акса)*.

Ильконо. Чего вы смеетесь? Что сели на что-то мягкое? Это правда, когда садишься на постель, то весь проваливаешься в нее! Право слово!

Зоволу. *(смеясь)*. Да, им стало стыдно сесть при тебе на мягкий трон.

Смеется и Акса и Селихат.

Гузель. *(глубоко вздохнув и подавая чай с вареньем Зоволу, тихо)*. А «ему» пусть подает Акса.

Зоволу. *(тихо)*. Не глупи! Наливай всем, как ни в чем не бывало и веди себя, как хорошая молодая хозяйка. Надо же когда-нибудь привыкать!

Гузель. *(наливает всем, ставит поднос посередине и стоя около Зоволу и спиной к Ильконо, тихо)*. Не нахожу в этом надобности!

Зоволу. *(пьет чай, к Гузели)*. Ну, хорошо. *(Берет Гузель за руку)*. Теперь садись около меня. А пить ты, я знаю, не будешь, потому что обычай не допускает пить и есть невестам при женихе и его друзьях. *(Тянет Гузель за руку силой и сажает)*.

Ильконо. *(пьет чай)*. Это очень хороший обычай, не только относительно невест, но и вообще относительно всех женщин! Это правда!

Селихат и Акса. *(пьют чай)*. Вот как? Однако ж! Хи-хи-хи!

Зоволу. (*раздраженно*). Потому что, ты думаешь, что, если женщины будут есть и пить с мужчинами, то они будут зазнаваться, и не будут подчиняться мужчинам? Да?

Ильконо. (*серьезно*). Именно. (*Пьет*). Право слово, верно!

Зоволу. (*пьет, улыбаясь*). Видите, вы не поняли, а я его понял сразу, но, милый братец, у нас есть и другой обычай, который в известное время освобождает их от этого запрещения. Это наши «гечелей», где ни жених, ни невеста, ни друзья их, никто не должен стесняться друг друга и, в пределах приличия. (*Пьет, серьезно*). При наших диких нравах и обычаях, когда женщин, из-за опасения увоза или какого-либо оскорбления, боятся пускать на улицу без платка и провожатых и когда, вследствие этого, мы, молодые люди, лишены возможности видеть, знакомиться с девушками и выбирать среди них по себе суженых, «гечелей» играет громадную утешительную роль в нашей жизни. При посредстве «гечелей» мы узнаем друг друга, привыкаем и учимся любить. И не будь их, мы, молодежь, были бы вдесятеро больше обречены на несчастья, чем теперь. (*Пьет, живо*). Итак, кто сегодня будет идти против этого нашего святого обычая, тот идет и против законов жизни. Не правду ли я говорю, Гузель? Не стесняйся и ты скажи все, что ты думаешь.

Гузель. (*склонив голову и улыбаясь, тихо*). Я всегда говорила, что тебя приятно слушать и теперь могу сказать лишь то же самое.

Зоволу. *(ко всем громко)*. Спасибо вам за чай. *(К Ильконо, тихо)*. Поблагодари же и ты. *(Встает)*.

Ильконо. *(кивая головой и становясь около Зоволу)*. Благодарю!

Акса и Селихат. Да, много кушаете, много живете! *(Убирают поднос с чайными приборами)*.

Зоволу. Теперь, разверни-ка, милая Селихат, наши узлы и положи их содержимое на поднос. *(К Ильконо, тихо)*. Видишь, я ее немного успокоил. Будь с нею вежлив, не говори глупостей и поддерживай мои разговоры. Тогда все пойдет к лучшему, а главное, оставь свои глупые поговорки, кстати и некстати.

Селихат разбирает узлы, откуда достает фрукты, конфеты, духи, мыло, помаду и другие подарки невесте, которые кладутся на поднос и откладываются в сторону, а затем бутылку вина, которое подается к закуске. Акса и Селихат настилают на ковры скатерть,

ставят холодные закуски.

Акса. *(кладя маленькие подушки, к Зоволу и Ильконо)*. Ну, братья мои, присаживайтесь, милости просим покушать, что Бог послал.

Селихат. *(поднося таз с кувшином для омовения рук и полотенце через плечо)*. Прошу мыть руки.

Зоволу. И вы, сестрицы, садитесь с нами, а ты, Гузель, около меня.

Селихат и Акса садятся, а Гузель стоит поодаль,
склонив голову вниз.

Зоволу. *(к Гузель)*. А ты что же? Неужели мы все будем сидеть, а ты опять стоять? Садись вот, около меня! *(К Селихат)*. А ты, наливай-ка все пять рюмок сладкого вина.

Селихат. (*наливая, к Гузель*). Садись же! Не заставляй вновь просить себя много.

Гузель садится сбоку от Зоволу.

Зоволу. (*взяв в руку рюмку*). Ну-с, я пью это вино за то, чтоб жилось сладко нашим молодым, чтоб они были счастливы, здоровы и полюбили друг друга!

Селихат и Акса. (*держа рюмки*). Чтоб и ты был здоров и счастлив, чтоб и мы пили на твоей свадьбе!

Зоволу. (*к Ильконо и Гузель*). А вы, что же не пьете? Это нельзя! На «гечелей» все разрешается. Ну, Ильконо, довольно тебе быть букой, ты ведь мужчина! И ты, Гузель, не откажи нам в этом удовольствии. (*Берет и подает ей рюмку*).

Гузель смущена и ее руки заметно дрожат.

Зоволу. (*к Гузель*). Вот так, не бойся, мы не съедем тебя! Итак, прошу чокаться!

Все чокаются с молодыми. Они со смущением держат рюмки и друг с другом не чокаются.

Зоволу. (*к Ильконо и Гузель*). И вам, и вам надо чокаться! (*Берет руку Гузель и тянет к рюмке Ильконо*). Вот так. Ура! Ура!

Все пьют, кроме молодых.

Зоволу. Э..., это нельзя! Пейте!...

Ильконо пьет. Гузель чуть пробует. Все закусывают, кроме Гузели, которая склонила голову и не трогает кушаний.

Зоволу. (*к Селихат*). Ну-ка, сестрица Селихат, повтори еще!

Селихат наливает.

Зоволу. (*к Гузель, подавая ей кусочек курицы*). А ты, Гузель, покушай из моих рук это крылышко. Пожелаю тебе, чтобы вечно ты имела бы целые

крылья и порхала бы по новому жизненному пути с «ним, не отставая от него».

Все смеются, кроме Гузель, которая, отведав немного крыла, кладет его на тарелку.

Зоволу. (*к Селихат*). А теперь, моя дорогая, налей-ка вина в стаканы, выпьем за твое здоровье и здоровье Аксы.

Селихат наливает. Зоволу и Ильконо пьют.

Женщины только дотрагиваются губами.

Зоволу. (*ко всем*). Спасибо вам, сестрицы, за ужин! Теперь дайте воды, помыть руки.

Акса и Селихат. Да кушайте вечно в радости, да будьте вечно здоровы!

Селихат подходит, поднося таз с кувшином для омовения рук, полотенце через плечо. Ильконо и Зовлу моют руки.

Селихат. (*убирает посуду и подносы, затем к Гузель шепотом*). Ну, дорогая, я посижу с Аксой, а ты сядь на другую свободную постель. Не бойся, будь спокойной.

Гузель. (*тихо*). Я ни за что не сяду! И ты останешься со мной.

Селихат. Я так устала, что глаза закрываются. Прошу тебя, иди. Ведь я буду тут же и тебе нечего бояться!

Гузель. Пожалей меня! Я вся дрожу от страха и стыда!

Селихат. Стыдно так выражаться, подумаешь, как будто они звери.

Гузель. (*дрожжа, шепотом*). Я все равно ни за что не сяду. Если бы ты знала, как страшно мне! (*Присаживаясь*).

Селихат. (*уменьшая лампу, шепотом*). «Он» тоже, наверное, волнуется, поговорите по душам друг с другом. Ну, будь же умницей и успокойся! (*Уходит к Аксе*).

Пауза.

Зоволу садится в одежде на свободную постель
и Ильконо рядом с ним.

Ильконо. (*шепотом*). Я не могу видеть этой комедии. Право слово, верно!

Зоволу. (*шепотом*). Перестань глупить! Встань, иди к ней! (*Сталкивает его с постели*).

Ильконо. (*шепотом*). Что ты? Ни за что? Ну, пусти меня на постель!

Зоволу. Дудки, брат! Или будь мужчиной, а если ты - баба, то и сиди на полу!

Пауза.

Ильконо. (*шепотом*). Зоволу, подвинься! Дай мне место? А то все кости ноют. Право слово!

Зоволу. (*еще больше занимая постель*). Убирайся!... Ты меня и себя срамишь! И Селихат и Акса подымут нас на смех, а Гузель будет считать прямо за дурака! Зачем же было «огород городить»? Зачем мы пришли сюда с тобой?

Ильконо волнуется и молчит, не смея
смотреть в сторону Гузели.

Пауза.

Зоволу. (*хочет встать, строго*). Что, ты, еще долго будешь упорствовать? Пойми же, что ты срамишь себя. (*Ласково*). Будь же, дорогой мой, мужчиной! Ну что трудно тебе, что ли – посидеть, поговорить, приласкать ее, утешить? Ведь это - будущая жена твоя! (*Встает и, взяв его за руку,*

поднимает, шепотом). Не бойся! (*Идет, подводит и сажает его на постель Гузель*).

Гузель в ужасе, отодвигаясь, садясь на постель спиной к Ильконо и закрыв лицо руками, плачет.

Зоволу. (*шепотом*). Ну, поговори же с ней! Будь же, наконец, мужчиной, не срами себя и меня! (*Уходит обратно*).

Гузель, нагнув голову на колени и закрыв лицо руками, продолжает хныкать. Ильконо сидит на постели спиной к Гузели и облокотившись на руки, замер, как «истукан».

Продолжительная пауза.

Слышится еле заметный шум, дверь тихо отворяется и входит Иогудит.

Гузель затаившись, моментально вскакивает с постели и, неожиданно оттолкнув Иогудит в сторону, выбегает.

Все. (*вставая в ужасе*). Она убежала?

Зоволу. (*к Ильконо*). Ах, ты, дуралей!

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ III

Сцена представляет «билог»¹² – родник, на окраине аула, на косогоре, откуда по каменному желобу протекает чистая ключевая вода. На полянке, вымощенной плитными камнями, под родником, стоят друг за другом, в ряд несколько каменных корыт, предназначенных для питьевой воды, для полоскания белья и для поилы скота. Вдали, на отрогах горы, раскинутый всюду аул, от него к источнику, протоптанная зигзагообразная тропинка, теряющаяся местами в мелких кустарниках.

Вечер. Пастух дудит в дудку и гонит стадо на водопой, а поселяне подъезжают на лошадях и ослах к корытам. У источника группами стоят женщины и ждут очереди, весело разговаривая и шутя друг с другом, затем, наполнив кувшины водой, они уходят. Сцена постепенно пустеет, из кустов выходят Арслан и Бааз.

Бааз полу обняв одной рукой Арслана, идя рядом медленно и останавливаясь на полянке родника.

Арслан. *(грустно, как бы про себя)*. Сегодня должна решиться судьба моя! Я просил Куз-Бике, чтобы она задержала здесь Гузель и дала бы мне возможность поговорить с ней.

Бааз. *(удрученный, снимая руку с плеч Арслана, становясь напротив и горячо возражая)*. Недоброе дело ты начинаешь, брат! Она говорила мне о твоём желании. Ты знаешь, я не сочувствую тебе в этой затее и иду только для того, чтобы убедить тебя бросить, наконец, эту опасную игру, будучи уверен, что Гузель – стойкая девушка и никогда не изменит долгу. Да и нельзя же, брат, разрушать счастье девушки ради того, что ты любишь ее!

Арслан. Я хочу, чтобы она выслушала меня и сказала «нет». Тогда я оставляю ее в покое и

¹² Билог – родник (на яз. горских евреев).

добровольно обреку себя на изгнание из аула. А пока она этого не сказала, я жажду встречи с ней. Пусть она сама произнесет свой приговор!

Женщины и девушки, среди которых находится Гузель с подругами, Селихат и Куз-Бике, спускаются по тропинке с кувшинами на спинах, подходят к роднику очереди наполняют кувшины и группами уходят, весело разговаривая.

Арслан. *(тихо)*. Идут! Спрячемся! *(Бегут и прячутся за кустарниками)*.

Гузель. *(к Куз-Бике и к Селихат, останавливаясь и отставая от других подруг и женщин)*. Если бы ты знала, моя милая, как мне грустно и какие муки я переживаю!

Куз-Бике. *(грустно)*. Знаю, моя дорогая, сочувствую тебе и страшно жалею.

Селихат. *(к Куз-Бике, оттянув ее в сторону и тихо)*. Тебе-то, какое дело? К чему ты вторгаешься в ее жизнь и расстраиваешь ее? Как тебе не стыдно и не грешно?

Куз-Бике. Я хочу, наоборот, открыть ей глаза и сказать, что прежде чем решиться загубить навсегда свою жизнь и чтобы после не раскаиваться, она должна серьезно подумать об этом теперь же.

Селихат. Дай Бог, чтобы все были так счастливы, как она: все ее так любят, такие ей делают подарки!

Куз-Бике. Вам важны только подарки: блеск, мишура и «что скажут люди». Вы вовсе не думаете о том, что теперь в ее душе происходит, что с этим глупым мальчиком придется коротать жизнь не вам, а ей.

Гузель, идя впереди, грустно подходит к роднику и

подставляет свой кувшин.

Селихат. (*тихо*). Побойся Бога, подумай, что ты говоришь! Если только ее родные узнают о твоих советах, то в одно ружье 20 пуль вставят и тебя убьют.

Куз-Бике. (*опомнившись*). Я вовсе не говорю, чтобы она не выходила замуж за Ильконо, а говорю, что если ее страдания и грусть заключаются только в предстоящей свадьбе, пусть она, хотя бы через мать, уприсит отца, ее отложить, пока он не подрастет. Не убьет же ее отец за это!

Селихат. О чем ты говоришь, я не понимаю! Он даже старше ее года на три.

Куз-Бике. Ты забыла, что между девушками и юношами громадная разница? В 14-15 лет нас большей частью выдают замуж, а в 15 лет мы уже почти все матери. А юноши? Они еще совсем мальчишки! Это значит, Бог так устроил. Посмотри на Гузель и Ильконо. Можно подумать, что она, наоборот, года на три старше его. И какой он муж? Нет! Я на месте Гузель, непременно просила бы отложить свадьбу, хоть на год, на два.

Селихат. А ты забыла, что нашу сестру держать до 17-18 лет дома, не совсем безопасно, что «радость откладывать, значит не к добру идти»?

Куз-Бике. Э, дорогая моя! Поверь, наша сестра не захочет, так никто не увезет!

Селихат. А мало увозили насильно? Не к добру ты смущаешь Гузель!

Куз-Бике. А по-твоему, будет к добру, если она выйдет замуж за Ильконо, а потом получит чахотку?

Мало ли таких случаев? Разве большое дело отложить свадьбу? Я тебе говорю, лучше будет!

Гузель. (*поставив кувшин на край корыта, подходя к ним и возвращаясь к роднику*). Довольно, сестрицы, спорить. Наполняйте кувшины и идемте домой.

Селихат. (*Куз-Бике, громко*). Я с тобой не согласна. По-моему, как родители решат, так пусть и будет. Не она первая, не она последняя! (*Идет к роднику и подставляет кувшин*).

Куз-Бике. (*идя за ней*). Тебе, я вижу, не жаль ее, а я, видя, что за эти дни с ней делается, просто не нахожу себе места и душа разрывается на части.

Селихат. (*поднимая кувшин, сердито*). У тебя всегда наготове показная любовь, а у меня, ее нет.

Гузель. (*вздыхнув, грустно*). Довольно же, милые сестрицы (*Удерживая ее за кувшин*). Спорить вам! Я вижу, что вы любите меня одинаково горячо. Я уже сама решила не идти против воли родных, хочу быть послушной дочерью. (*К Селихат*). Куда же ты? Подожди, пойдем вместе.

Селихат. Прости, милая, все ушли, и я очень спешу. Ты подождешь Куз-Бике.

Куз-Бике. (*подставляя кувшин и радуясь в душе, но, не желая выдать себя*). Ты тоже, подруга, могла бы, кажется, подождать нас.

Селихат. (*уходя в сердцах*). Невесту, обыкновенно, не оставляют одной только за месяц до свадьбы, а ты советуешь отложить свадьбу еще на год, на два. Так она может идти одна – тут не далеко! Я вижу, тебе очень хочется остаться с ней наедине,

чтобы смущать ее. И оставайся! Но я уверена, что она не такая глупая, как ты думаешь! (*Уходит*).

Гузель. (*любясь восходящей луной, грустно, к Куз-Бике*). К чему ты ее постоянно так обижаешь? (*Качая головой*). Бедная, она очень любит меня и хочет, чтобы я была счастлива. Ну, закончила? Идем, уже поздно! (*Хочет поднять на плечи кувшин*).

Куз-Бике. (*поставив кувшин на край корыта*). Мы все думаем сердцем, а не умом!

Слышится шорох, на сцене появляются сначала

Бааз, а потом и Арслан.

Гузель страшно испуганно, отступает в сторону.

Бааз. (*смущенно*). Не пугайся, моя сестрица! Это я – Бааз. Я видел, когда вы пошли, а потом вижу, что Селихат уже идет, а вас все еще нет, забеспокоился и пошел встречать.

Куз-Бике. Чего боишься? Нас не съедят! Впрочем, очень хорошо сделал, будет веселее идти обратно до аула вместе.

Бааз. (*к Куз-Бике*). Я тебе хочу сказать кое-что. (*К Гузели*). Она ведь моя невеста. Прости, сестрица, если я задержу тебя минуточку, а в ауле ведь мне никак не удастся видаться с ней.

Удаляются, разговаривая тихо между собой.

Гузель. (*придя в себя, вслед Куз-Бике*). Я пойду потихоньку одна, а вы догоните меня. (*Хочет поднять кувшин*).

Арслан. (*выступая вперед*). Подожди, не уходи! Я должен... (*Заикаясь от волнения*)... сказать тебе несколько слов!

Гузель, отстраняясь в испуге, молчит, не решаясь смотреть на него. Хочет поднять кувшин.

Арслан. *(в волнении)*. Я хотел спросить тебя. Неужели ты решила выйти замуж? Если это случится, то я не знаю, что со мной будет!

Гузель, встрепенувшись, не зная, что сказать, молчит.

Арслан. Ты стала для меня самым дорогим существом на свете! Я полюбил тебя всем сердцем! Работал в доме отца твоего только для того, чтобы видеть тебя. Радовался, видя тебя веселой, грустил, когда ты была скучна! Дороже тебя ничего не осталось в жизни для меня!

Гузель. *(придя в себя)*. Оставь меня! *(Хочет взять кувшин)*.

Арслан. Умоляю тебя, дорогая Гузель! Выслушай до конца! Ты, я вижу, боишься моих слов, думая, что я совращаю тебя с пути чести и долга. Нет, никогда! Я скорее вырву себе язык, вонжу себе в сердце нож, отрублю себе руки и ноги, чем обижу тебя худым словом, оскорблю неприличным поступком! Но я хочу, чтобы ты знала, что под этой священной луной *(указывая на небо)* никто никогда из живущих на свете, не любил так горячо, как я люблю тебя! И эту жгучую любовь, не желая смущать твоего покоя, я хранил в самых сокровенных тайниках моего сердца, Гузель.

Гузель. *(волнуясь, тяжело дыша и чуть не падая)*. Оставь меня! Уйди, ради Бога! *(Хочет взять кувшин)*.

Арслан. *(хватая ее за руку)*. Нет, нет! Выслушай до конца и тогда делай со мной, что хочешь! Я думал, что время убьет во мне эту страсть, хотел уйти совсем

из дома отца твоего, но не мог побороть себя! Всего этого, думаю, не могла не заметить и ты.

Гузель. *(вырывая руку)*. Оставь меня! Пощади!

Арслан. *(хватая вновь ее за руку и держа крепко обеими руками)*. Я видел, что и ты страдаешь в тайне, после чего страдания мои стали еще нестерпимее. Я стал искать случаев повидаться, поговорить с тобой наедине, но ты, заметив это, стала избегать встречи со мной.

Гузель. *(взволнованно)*. Умоляю, оставь меня! Ты губишь и себя и меня!

Арслан. *(не слушая ее)*. Я стал преследовать тебя, пользоваться всяким моментом, чтобы высказать всю силу моей любви к тебе, но у меня все это выходило грубо, неосторожно, вследствие чего я навлек на себя и на тебя подозрение. За нами начали следить. Теперь они поднесли «табаг» и стали готовиться к свадьбе. Я не стал видеть тебя неделями!

Гузель. *(вырывая руку, шатаясь, ломая руки, чуть не падая)*. Оставь меня! Умоляю, не губи!

Арслан. *(поддерживая ее за руку и талию)*. Теперь я не имею ни днем, ни ночью покоя и умираю от жажды услышать твой милый голос, готов отдать жизнь, чтобы видеть тебя хоть издали и ...*(Привлекая ее к себе)*.

Гузель. *(вырываясь, строго отталкивая его, закрывая лицо руками)*. Оставь меня! *(Плачет)*.

Арслан. *(спохватившись, что поступил грубо)*. Прости! *(Схватившись за голову, в отчаянии)*. Моя любовь к тебе мутит мне сердце, отнимает мой разум.

Но я хочу слышать от тебя одно лишь слово! Я хочу знать, любишь ли ты меня или нет?

Гузель, взглянув на него умоляюще, опустив голову
на грудь, молчит.

Арслан. (*схватив ее за руку*). Одно лишь слово, больше мне ничего от тебя не надо!

Гузель. (*придя в себя и сама, хватая его, чтобы он не падал*). Не надо, милый! (*Склонив вниз голову*). Не надо!

Арслан. (*в волнении*). И, ты, любишь?! (*Привлекая ее к себе*). О, Боже! Что за счастье!

Гузель. (*решительно вырываясь*). Но я чужая! И выйду за него! (*Слышит шорох и быстрое топанье, в отчаянии*). Господи! Уйди скорее! Убьют! (*Умоляющее*). Беги скорее!

Арслан. (*скрываясь справа в кустарнике*). Чтоб тебя не убили, готов на все! (*Уходит*).

Девро и Ферадж быстро входя слева.

Девро. Неужели она здесь? Не может быть!

Ферадж. И так поздно! А вот она! (*Показывая в сторону убегающего*). А кто это убежал от тебя?

Гузель в отчаянии склонив голову, мочит.

Девро. О, Боже! Где же это ты пропадаешь и с кем? Что ты за девчонка такая мерзкая! погоди, отец убьет тебя!

Ферадж. Скажи сейчас же, кто это был с тобой? Я не доведу тебя и до отца, если не скажешь сейчас же! (*Схватив ее за руку*). Разрублю тебя на части! (*Толкая так сильно, что Гузель падает*). Вот как ты позоришь нас? (*Хватаясь за рукоятку кинжала и вынимая его*).

Бааз и Куз-Бике входят быстро с той стороны, куда убежал Арслан.

Бааз. *(стремительно поднимая руки)*. Остановись, несчастный! *(Поднимая Гузель с земли и защищая ее собою)*. Не скрою, это был я ! Мы были втроем. Услышав ваши шаги, она *(Указывая на свою невесту)* убежала от стыда, а я тоже вслед за ней. Гузель не виновата, мы ее задержали.

Ферадж. Это неправда! Убежавший был не ты, а другой!

Девро. *(к Гузель, уводя ее в сторону)*. О, Боже, что ты с нами сделала! Несчастливая! Идем же отсюда поскорей, а то сейчас и отец твой и дядя будут здесь, без разговоров убьют тебя!

Бааз. Я говорю тебе, что она тут ни при чем, если вы хотите обвинять кого-либо, то во всем виноват только я! Увидев издали, что Гузель с ней *(Указывая на Куз-Бике)* пошли за водой и, желая поговорить, я пошел встречать их на обратном пути и теперь задержал их обеих разговорами.

Ферадж. *(к Гузель, стоящей поодаль с Куз-Бике спиной к ним, склонив голову)*. Ну, хорошо! Идем домой! А там мы еще поговорим с тобой! *(Прячет кинжал)*.

Гузель и Куз-Бике поднимают кувшины и быстро убегают,
а за ними и медленно уходит Бааз.

Девро. *(к Фераджу)*. Ты говоришь, что видел другого?

Ферадж. *(в волнении)*. Да! Я уверен, что это был... Знаешь, кто? Арслан, а не Бааз!

Девро. *(удивленно)*. Что ты!

Ферадж. Да! Вот тебе, мама, как ты воспитала свою дочь! Полюбуйся! Ты всегда ее защищала и не верила, когда тебе говорила Иогудит.

Девро. *(взволнованно)*. Я и теперь не верю! Я ни за что не допускаю, чтобы Гузель была такая испорченная и легкомысленная девушка, чтобы назначила свидание Арслану. Еще где? На «билоге», где все могут увидеть. Подумай, где твоя голова!

Ферадж. Ты хочешь разубедить меня в том, что я видел собственными глазами?!

Девро. Ты ведь его лица не видел. Сам ты это сейчас говорил. Да кроме того, ты мог ошибиться, теперь ночь, но под впечатлениями оговоров Иогудит, тебе могло показаться, что это был Арслан.

Ферадж. Нет, нет, говорю тебе! Я видел сбоку даже лицо его, когда он убежал, как трус и негодяй!

Девро. *(взволнованно)*. Что же, ты, теперь хочешь? *(Иронично)*. Ну, иди, кричи на весь «овчер»¹³, что Арслан опозорил твою сестру или иди убивайся с Арсланом. *(Задумываясь)*. А Бааз говорит, что это был он.

Ферадж. Он врет! Как Бог свят, я говорю тебе правду! Я думаю даже, что это свидание устроили Бааз со своей подлой невестой.

Девро. *(иронично)*. Да? Ну, иди дерись тогда и с Баазом, и с его невестой. Стыдись своих слов! *(Серьезно)*. Хочешь меня послушать? Надо положить на это дело камень, а если ты уверен, что это был

¹³ Овчер – округа (на яз. горских евреев).

Арслан, то, наоборот, чтобы никто об этом ничего не знал. Надо только удалить Арслана из нашего дома.

Ферадж. Это - по меньшей мере. А там я еще ему покажу!

Девро. А ты забыл, что если бы это был, на самом деле, не Арслан, а Бааз, то Арслан сам пойдет с тобой «на кинжалы», за то, что ты так позоришь его имя. И будет прав! Легко ли это для него, он вырос в нашем доме. *(Взволнованно)*. Ты хочешь поднять целую бурю, заставят говорить от этом весь мир, да, кроме того, нажить нам кровного врага. Нет, сынок, ты еще молод, и многого в жизни не понимаешь. *(Серьезно)*. Лучше всего, говорю тебе, я передам сегодня же твоему отцу о нашем подозрении и во избежание неприятностей, Арслана отправим до свадьбы Гузель в город, якобы помогать Кардашу в его торговых делах. Пусть думает, что хочет! А тем временем мы сыграем свадьбу!

Ферадж. А Гузель все-таки достанется от меня за это ... порядком! Идем!

Уходят.

Появляются Арслан и Бааз.

Бааз. *(в испуге)*. Арслан, я хочу, чтобы ты раз и навсегда выкинул из головы Гузель.

Арслан. *(тихо)*. К несчастью, я никак не могу этого сделать и именно хочу просить твоей помощи только в этом деле. *(Шепотом)*. Я решил увести ее, чтобы это мне не стоило.

Бааз. *(отступая в ужасе, шепотом)*. Что ты говоришь?! Послезавтра она должна пойти под венец, а ты задумываешь увести ее? Ведь она ясно сказала

тебе, что останется верна долгу. Это делает похищение еще почти невозможным.

Арслан. (*тихо*). Но она, я знаю, не любит Ильконо. А я не могу и не хочу жить без нее! Если ты не пойдешь, то пойду я один, что будет, то будет!

Бааз. (*в волнении*). Ты с ума сошел!

Арслан. Да! (*Тихо*). Клянусь тебе Богом, что я иначе и не стану жить на свете!

Бааз. Подумай, какая предстоит опасность, кругом народ, свадьба у жениха и невесты!

Арслан. (*тихо, грустно*). Знаю, знаю. (*Возбужденно*). Наоборот, я думаю, что в этой суматохе, когда они не ждут и уверены, что я успокоился, мне это еще легче будет сделать. Удастся или нет, об этом я не хочу и думать! А ты можешь остаться при своем мнении и не помогать мне, но если ты откроешь мое намерение и предотвратишь его, то прокляну тебя на этом свете, и моя кровь да падет на твою голову!

Бааз. (*возмущенно*). Ты не имеешь права так выражаться обо мне! Я никогда не был ни трусом, ни изменником! Но я умоляю тебя, хотя бы во имя святой нашей братской дружбы, бросить это намерение! Ты пропустил время, когда это возможно было. А теперь это прямо немыслимо! Чувствуется, что это кончится несчастьем. Могут убить тебя, Гузель! В общей схватке пуля жертвы не разбирает!

Арслан. (*шепотом, оглядываясь*). Тем лучше! Тогда, по крайней мере, она не будет женой нелюбимого ею человека. А что, если я уцелею, то

тоже постараюсь последовать за нею, в этом ты можешь также не сомневаться!

Бааз. Ты решил это окончательно? Это ужасно!

Арслан. *(грустно, тихо)*. Да, окончательно!

Бааз. *(вздыхая)*. Конечно, я не брошу тебя, но...

Арслан. *(радостно схватив его за руку)*.
Значит, ты согласен? Значит, можно подать тебе руку?

Бааз. *(грустно)*. Говори, каков у тебя план действий!

Арслан. *(шепотом)*. Прежде всего, ты должен поехать сейчас же в какой-нибудь дальний аул к одному из своих верных «кунаков», которых, вероятно, у тебя много. Надо приготовить место для убежища, затем привести оттуда пару хороших лошадей для тебя и для меня одного. Надо двух храбрых и преданных проводников верхом, которые были бы хороши вооружены. Мы также вооружимся. Таким образом, ручаюсь тебе головой, сумеем отстоять нашу «добычу», от погони и сотен людей. Лишь бы удалось только достать ее – Гузель! *(Вынимая из кошелька деньги и подавая)*. Вот, на расходи, на! Кстати, куда ты думаешь упрятать нас?

Бааз. Об этом после. *(Считая)*. Но только не все. И тебе понадобятся деньги! *(Оставив часть, возвращая остальное)*. И у меня есть немного своих. *(Тихо)*. А когда ты хочешь это сделать?

Арслан. *(шепотом)*. Сегодня ведь не успеем. Значит, завтра ночью.

Бааз. *(тихо)*. А план у тебя готов? Это ведь не так легко.

Арслан. Не совсем еще. Но для этого ты должен быть сегодня же вечером обратно здесь! Необходимо к этому делу привлечь и Куз-Бике. Без женщины никогда такое дело не удастся. Для этого сегодня я устрою тебе «гечелей». Мы там решим все подробно.

Бааз. *(тихо)*. Ты решил это непременно и бесповоротно? Я еще раз просил бы тебя подумать хорошенько, и, если можешь, бросить. После уж будет поздно!

Арслан. Нечего мне больше думать! Думал достаточно. *(Тихо, восторженно)*. Жизнь или смерть!

Бааз. Очень жаль! Ну, тогда до свидания! *(Подает руку, не глядя, понутив голову)*. Надо спешить, иначе не успеть! Значит, сегодня часов в 11 ночи ты будешь у меня и предупредишь ее? *(Уходит)*.

Арслан. *(один, тихо)*. Да поможет нам Бог! Именно: жить или умереть! Я согласен идти на все ради любви к Гузель. И она должна быть моею! Дорогая моя, красавица ты моя! *(Живо)*. Чувствует ли она, что происходит теперь в душе моей? Любит ли она меня по-прежнему? *(Уходит)*.

З А Н А В Е С .

ДЕЙСТВИЕ IV

Картина 1.

Утро.

Сцена представляет «кунацкую»¹⁴ комнату в сакле.

Иогудит и Акса ожидая общество для оценки и записи приданого, которое отец дает за дочерью-невестой, достают вещи из сундуков.

Ферадж составляет опись. Месендиль, Ифраим, Хублер, Девро и Томор разговаривая на языке мимики и жестов между собой, дают предварительную оценку. Даниил считает на счетах.

Месендиль. (*к женщинам*). Начните с золота и серебра.

Даниил. (*к Фераджу и Месендилю хитро подмигивая*). Цены надо записать вдвое дороже, потому что они, при третьей оценке, все равно, будут настаивать на скидке. Кроме того, надо показать, что Месендиль дал приличный «калым». (*К Месендилю*). А ты, сколько получил всего от Кардаша? Кажется 400 рублей?

Месендиль. Да, но я положил сюда и своих 500 рублей. Кроме того, подарки от родных за открытие лица невесты после обручения, подарки на свадьбу вещами и деньгами – 150 рублей.

Даниил. (*считая*). Значит, тут всего вещей на сумму около 1050 рублей. (*Подмигивая вновь добродушно и хитро Месендилю*). А мы сделаем на 2000, и будем настаивать хотя бы на 1500- 1600 рублей.

¹⁴ Кунацкая – гостевая комната.

Ифраим. Да. Нехорошо связывать детей с малых лет, а мы это все-таки продолжаем делать. Успокойтесь, скоро придет время, уничтожат как это, так и позорную нашу «куплю-продажу» человека человеком, путем «калыма»¹⁵.

Месендиль. А, по-моему, «калым» служит наоборот подспорьем для первого устройства жизни молодых, особенно бедных, ибо редко кто его оставляет себе, дают молодым с прибавлением своих столько же, поэтому уничтожить «калым» было бы неразумно.

Ифраим. А, по-моему, чем скорее, тем лучше. Но мы немного отвлеклись. Ну, читай, Ферадж, сколько у тебя вышло? Но только не слишком завирайся!

Ферадж. *(составляя про себя переоценку на бумаге, читая и кладя громко на счеты).* Серебра и золотых вещей - 480 рублей, медной посуды - 280 рублей, шелковых и шерстяных платьев – 340 рублей, белья, ситцевых платьев, обуви – 120 рублей, сундуков, зеркал, фаянсовой и хрустальной посуды – 280 рублей, подушки, одеяла и тюфяки с шелковыми чехлами – 500 рублей. Итого – 2000 рублей.

Даниил. *(довольный, кивая головой Фераджу).* Отлично! Молодец! Ты, я вижу, не менее жуликоват, чем я, твой зять. Далеко пойдешь! *(Ко всем).* Дай Бог, чтобы молодые владели этим добром до старости и удесятирили бы его своими трудами в полном здравии.

¹⁵ Калым – выкуп.

Месендиль и женщины. *(Даниилу все хором)*.
Дай Бог и тебе такую же радость, чтобы и ты давал
своим детям такой же «калым»!

Слышаться голоса гостей, женщины быстро уходят.

Гости. *(входя)*. Привет вам! Доброе утро! Добрый час!

Все. *(вставая, приглашая их на почетное место)*. И вам наш привет, гости дорогие!

Ферадж. Сегодня у нас по горло дел: надо проверить «калым», оценить его, составить опись, написать брачное условие. Словом, надо сделать так, чтобы к завтрашнему венцу все было готово. Ну, давайте - же вещи.

Все рассматривают вещи и проверяют опись.

Ильдод. *(кладет на счёты)*. По-нашему, серебро и золото вы положили 480 рублей, очень дорого и больше 300 рублей нельзя.

Гемлиил. Где, вы скажите, пожалуйста, купите за 300 рублей все это? *(Показывая ожерелье)*. Где золотых и серебряных монет на 80 рублей? По-моему, это даже очень дешево?

Ильдод. Я никак не могу больше! Пусть другие скажут свое мнение.

Гемлиил. Это я тоже нахожу недорого. Ну, для ровного счета кладите 400 рублей.

Даниил. Это дорого. По-нашему, никак не выходит больше 300 рублей. Ну, кладите 350 рублей, дело небольшое. Все равно не чужие: от одного брата идет к другому.

Все. Пусть будет так! В добрый час! Пишите - 350 рублей. Теперь давайте медные вещи.

Даниил. *(приносит)*. Ферадж читает опись. Стоят -280 рублей.

Ильдод. *(осматривая и кладя на счета)*. Тоже можно 200 рублей.

Гемлиил. Это пусть будет, как положено. Нельзя обижать Месендила. Посуда, сделанная по заказу. Дешевле никогда не сделаете. Это не базарные вещи. *(Поднимает и показывает)*. Посмотрите, какие тяжелые!

Ильдод. Ну, пусть будет 220 рублей, больше нельзя! *(К Фераджу)*. Пиши! *(между собой)*. Это недорого.

Даниил. Платья – 340 рублей.

Гемлиил. *(к Ильдоду)*. Ну, это по нашей части, мы с тобой знаем, что стоит каждая материя, каждый платок. Клади. *(Считают)*. 300 рублей!

Ильдод. Дорого! *(Кладет)*. По-моему, выходит 350 рублей!

Гемлиил. Невозможно!

Ильдод. *(кладя еще раз)*. В крайнем случае, 285 рублей, никак не больше! *(Фераджу)*. Пиши! Дальше?

Даниил. *(подавая подушки, шелковые одеяла и бархатные чехлы)*. 500 рублей.

Гемлиил. *(Ильдоду)*. Клади опять.

Ильдод. *(кладя и горячо споря с ним языком мимики)*. Вышло 350 рублей!

Гемлиил. Ты мало положил. Клади для ровного счета – 450 рублей!

Ильдод. Прибавлю 25 рублей, ради тебя. *(К Фераджу)*. Пиши 375 рублей. *(К Даниилу)*. Дальше. Видишь, как быстро пошло дело у нас?

Гемлиил. Еще бы, когда ты огульно считаешь, сколько влезет. Можно подумать, что мы тут, как будто на толкучке!

Ильдод. Ты меня обижаешь! Ну, так пусть берет счета другой!

Все. Нет! Продолжай!

Гемлиил. Как же? Подумайте, с проверенного он уже скинул около 500 рублей! Что же будет дальше? Вещи не найдены на улице и не куплены на товар, а за наличные денежки!

Ильдод. Во-первых, тут не 500 рублей, а 375! (*К Гемлиилу*). Если ты не согласен, то можно переоценить.

Алып-Кач. Не надо! Это неприлично! Мы собрались на торжество людей, не для ссоры. Пусть накинут на другие, сколько можно.

Ильдод. Ну, ладно! (*К Даниилу*). Что там еще? Давай-ка опись! (*Читает и кладет на счета*). Белье, ситцевые платья и обувь, сундуки, фаянс, зеркала и хрустальная посуда. Итого – 300 рублей.

Гемлиил. (*смотря на счета*). Это мало.

Ильдод. Я думаю, довольно, и только ты больше не настаивай!

Ферадж читает вновь составленную опись.

Ильдод. (*кладет на счета*). Итого – 1550 рублей. Да, кроме того, за брак с девицей – 30 рублей. Всего - 1580 рублей. (*К Фераджу*). Это и будет сумма договора. Сегодня же вечером надо написать

«кетубо»¹⁶. А завтра мы все его и подпишем в качестве понятых, за жениха и невесту.

Все. В добрый час! Да благословит Господь брачную жизнь молодых!

¹⁶ Кетубо – брачный договор (на яз. горских евреев).

Картина 2.

Ночь. Сцена представляет кунацкую комнату. Невеста после купания сидит на низком татарском стульчике, а подруги – одна сидя, другая стоя, расчесывают ей волосы и целуют ее, третья подруга держит свечи.

Томор. Сегодня, милые девушки, Гузель в вашем распоряжении. Уберите ее волосы и приготовьте ее, чтобы завтра не пришлось долго возиться, и она была бы готова к венцу. Пусть каждая из вас окажет ей последнюю девичью услугу. Дай Бог и вам всем дожждаться такой ночи.

Все. *(разом)*.

Первая. Мы вовсе не хотим, чтобы это была последняя наша встреча!

Вторая. Милая Гузель всегда будет с нами!

Третья. Мы ее отнимем от молодого муженька!

Четвертая. Мы никогда не выйдем замуж!

Хохочут.

Томор. *(улыбаясь)*. Мы знаем, как она будет всегда ваша, и вы будете ее! Знаем, как не будете выходить замуж! Лучше веселитесь и живите, девочки мои, пока живется! *(Уходит)*.

Все хохочут.

Селихат и Куз-Бике. *(к другим подругам)*. Вы идите пока веселитесь и танцуйте, а мы уберем невесте волосы.

Гузель. *(к Селихат и Куз-Бике, грустно)*. Плетите, сестрицы-подруженьки, мои волосы! Последнюю ночь я ваша, а завтра уж я буду чужая, и пропала моя девичья свобода!

Подруги. *(танцуют и поют)*.

Еще одну ночь ты гостя у матери!
Шуба отца осталась не дошитой,
Еще одно веретено осталось тебе вертеть матери!
Гузель. (*закрывая лицо руками и повторяя*).

Еще одну ночь ты гостя у матери! (*Плачет*).

Подруги подбегают к Гузель и крепко-крепко ее целуют.

Селихат. (*весело к Гузель, одевая ей на волосы чепчик*). А, вы, танцуйте!

Некоторые подружки танцуют, другие наблюдают,
как убирают волосы невесты.

Селихат. Хорошо! Завтра, милая Гузель, в это время ты будешь уже в собственном «гнезде» и станешь «хозяйкой»! Ха-ха-ха!

Гузель. (*грустно*). И не будет у меня девичьей свободы!

Селихат. А, может быть, ты еще будешь недовольна?! Мы будем мешать тебе!

Все хохочут.

Селихат. (*весело Гузели*). А я пойду надену твои подвенечные наряды! (*Бежит на женскую половину*).

Подруги продолжают петь, танцевать и шутить.

Куз-Бике. (*тихо*). А ты знаешь, милая Гузель. Что Арслан тоже приехал с Кардашем?

Гузель. (*вздыхая*). Нет.

Куз-Бике. (*тихо*). А он здесь, ходит, как тень. Я вчера видела его, говорила с ним. Все тебя не забывает и говорит, что если ты выйдешь замуж, то он прямо бросится с кручи!

Гузель. (*вздыхая тихо*). Прошу тебя, моя дорогая, не говори мне о нем! Не травми мои раны! Моя судьба уже решена!

Куз-Бике. Но я говорю, любя тебя!

Гузель. *(грустно)*. Знаю, но я все-таки решила так, хотя и погибну!

Селихат. *(входит одетая в подвенечное платье невесты, с покрывалом на лице, окруженная несколькими подругами)*. Ну, что идет? *(Рассматривая себя в зеркале)*. Хи-хи-хи! Как будто для меня сшито! Хи-хи-хи!

Подруги. *(по очереди)*. Какая ты хорошенькая! Хи-хи-хи! *(Восторженно рассматривая)*. Какой богатый наряд!

Берут Селихат за руки, кружат ее, подходят к Гузель.

Какая ты будешь в этом наряде интересная! И красивая! И душечка! Ха-ха-ха! *(Целуют ее)*.

Гузель. *(надев чулки, чувяки и вставая грустно)*. Да, милые подруженьки! Скоро многие из вас также пойдут по моим стопам!

Подруги. Например, Селихат, Куз-Бике! Ха-ха-ха!

Хватают Гузель, кружат ее и танцуют.

Томор. *(входя)*. Теперь пора, милые девушки, дать невесте поспать. Завтра предстоит ей тяжелый пост,¹⁷ волнения! Пусть спит себе спокойно последнюю девичью ночь!

Подруги поют.

Еще одну ночь ты под кровом у матери,
Шуба отца осталась недошитой!

Гузель. *(плачет)*. Милая мама, не будет у тебя твоей Гузель!

Подруги весело кружат Гузель, танцуют.

Но таков наш удел!

¹⁷Пост – накануне свадьбы жених и невеста постятся.

И ты будешь любимой женой!

Будет счастлива твоя жизнь!

Вновь хватают Гузель, кружатся, хохоча.

Томор. *(к Селихат)*. Теперь иди, сними наряды и поди спать. Завтра вам тоже предстоит стоять весь день на ногах, прислуживая невесте. *(К девушкам)*. Спать, спать! Снимите с полок тюфяки и подушки и постелите себе. Все будете спать в одеждах. *(Уходит)*.

Селихат. Я буду спать около Гузель. *(Идет переодеваться на женскую половину)*.

Куз-Бике. *(вслед к Селихат)*. Сегодня уж буду спать с ней я, а завтра ты!

Селихат. *(уходя)*. Ну, хорошо!

Куз-Бике. *(к Гузель)*. Будет жарко! Комната небольшая, а народу очень много. Я постелю нам около окна. Как думаешь?

Гузель. *(вздыхая)*. Мне все равно!

Подруги стелят постели.

Селихат. *(входя и запирая окна и двери, к Куз-Бике, тихо)*. Значит, я завтра! Хорошо! Но смотри же, если кто выйдет, не забудь запереть двери! *(Ложится с подругой около полок)*.

Пауза. Все ложатся и постепенно засыпают.

Куз-Бике расплетает свои косы.

Гузель. *(ложась, тихо и поднимая глаза к небу)*. Господи, помоги мне побороть себя! *(К Куз-Бике)*. Что же, ты, не ложишься?

Куз-Бике. Сейчас начну расплетать косы, проверю еще раз окна и двери и лягу. *(Укрывая Гузель одеялом)*. После купания ты можешь еще простудиться! Спи, моя дорогая! *(Целует ее и продолжает причесываться)*.

Долгая пауза.

Куз-Бике. *(собирая платья, обувь Гузель, тихо в сторону)*. А я обещала оставить окно незапертым и укрыть ее одеялом, чтобы они не ошиблись. Как страшно! Хорошо - если удастся, а если нет? Вчера на «гечелее» мы никак не могли уговорить Арслана бросить эту страшную затею. Он твердил все одно и то же: «Или умру, или увезу»! А вдруг не удастся? Страшно! А он уже приготовил место и лошадей с проводником в ауле и ждет, пока все заснут. *(Идя к окну и не решаясь)*. Может быть, не открывать? Но тогда будут меня считать изменницей! *(Подходит к окну)*. А вдруг Бог накажет меня? *(Останавливается, а потом решительно)*. Ну, что будет, то будет! Я буду все-таки верна слову! *(Смотрит, все ли спят)*. Все спят. *(Подходит тихо к окну, осторожно снимает задвижку, уменьшает свет лампы и ложится)*.

Долгая пауза.

Бааз. *(открывая тихо окно, шепотом)*. Эй, ты, здесь? Все спят?

Куз-Бике. *(приподнимаясь, осматривает спящих и тихонько открывая дверь, шепотом)*. Сюда, здесь под одеялом! Спят все! *(Вновь ложась и притворяясь спящей)*. Ради Бога, осторожно! Не простуживайте комнату!

Арслан с проводником. *(Баазу у окна, идя к двери, шепотом)*. Осторожно! Без шума, сразу! В одеяло!

Бааз. *(входя с другим проводником в дверь, нагибаясь над Гузель, сразу схватив ее, приподняв, передавая Арслану с первым проводником и*

выбрасывая платье Гузель через окно, шепотом).
Скорее, во весь опор!

Голос Гузель. *(глухо под одеялом).* Ах!

Бааз. *(вслед им, тихо).* Укройте хорошенько!
Нас не ждите! Мы будем прикрывать погоню!
(Выбегая, закрывает дверь).

Голос Гузель. *(за дверью).* Спасите! Спасите!

Селихат. *(проснувшись, увидев похищение, вскрикивая, направляется к окну, к двери).* О, Боже!
Вставайте! Куз-Бике! Не видишь, не слышишь, что ли? Помогите!

Куз-Бике. *(как бы просыпаясь).* Что?! Что?!
(Вскакивая). О, Боже! *(В сторону, тихо).* Спаси их, помоги им!

Селихат. *(мечась по сцене и плача).* Кричите мужчинам! Помогите! Помогите!

Все подруги. *(вскакивая в ужасе, хватаясь за головы).* Что такое? Что такое?

Селихат. *(стучась в соседнюю дверь мужской половины).* Спасите! Помогите! О, Боже, что будет?!

Все подруги, «рвут на себе волосы»,

стучась в дверь мужской половины.

Спасите! Спасите! *(Многие плачут).*

Мужчины, выбегая в одном белье, второпях одеваясь, хватая со стен: кто ружье, кто пистолет, кто кинжал.

Что? Где?

Селихат. *(указывая на дверь, на окно).* Там! Гузель! *(Плачет).*

Мужчины, кто перепрыгивает через окно, кто открывает двери, выбегают. Слышны голоса.

Держите их! Ловите! Ловите! Ловите!

Не пускайте! Стреляйте!

Голос Фераджа. А! Нет, братья, ошиблись! Так дешево не уйдете!

Слышны частые выстрелы.

Пауза.

Месендиль. *(вбегая, второпях одеваясь, вооружается, в окно)*. Ах, злодей! Ах, ах! *(Плачет)*. Не пускайте же их, держите! Но, ради Бога, не стреляйте! *(Мечась по сцене)*. Что за несчастье?! Того гляди, что еще убьют кого-нибудь!

Ферадж. *(вбегая со двора)*. Скорее свечу! Лампу! Дайте свечу! *(Выбегая со свечой)*. Кого-то, кажется, я уложил на месте! Как будто свалился с лошади, а другие усаkali!

Мужчины и женщины, выбегая со свечами, фонарями во двор, а затем быстро вбегая в комнату, в ужасе.

Лежит Бааз! Убили Бааза!

Ферадж. *(вновь вбегая)*. Так и есть: убит Бааз! Значит, похитил Арслан! Зоволу говорил, что видел их вчера таинственно шепчущимися. Значит, недаром!

Даниил и Кардаш. *(вносят и кладут на пол труп Бааза)*. Лошади сейчас будут готовы. Кто с нами, тот скорее на лошадей! *(Выбегая)*. Едем в погоню, по свежим следам!

Ферадж. Кто едет с нами, тот пусть спешит! *(Уходя, у двери)*. О, злодеи! Еще не родился тот, кто так безнаказанно оскорблял бы честь нашего рода! Или отнимем, или умрем!

Ифраим. *(опоясываясь кинжалом, торопливо)*. Подождите, и я еду! *(В сторону)*. Надо и мне: не то они, Бог весть, что еще сделают. *(Обращаясь к Хублеру и Месендилю, делая жест рукой в сторону убитого Бааза)*. И кто убил его, разбил их жизнь,

сделал несчастными его родных и этих женщин? Если не вы и ваши жестокие «адаты»?! (*Выбегая*). Это вы! Вы их убили! Вы и никто другой! Любуйтесь же теперь!

Женщины и девушки в отчаянии.

О Боже! Что будет? Что будет?

Месендиль. (в отчаянии). Два несчастья уже есть! Теперь пустились в погоню! Кто знает, что еще будет?! А там и кровная месть за несчастного Бааза! О, Арслан, Арслан! И за что же это? За что? Не за то ли, что я вскормил тебя и вырастил, как сына? Лучше бы ты убил меня!

З А Н А В Е С .

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие	3
Действующие лица	9
Действие первое	15
Действие второе	34
Действие третье	56
Действие четвертое	70

Фрида Борисовна Юсуфова
родилась в 1949 году в городе
Грозный. Жила в Дербенте,
Георгиевске, Баку.

Педагог, художник, журналист.
Главной своей профессией она
считает любовь к людям.

В 1990 году Фрида Юсуфова
репатрировалась в Израиль
из Баку.

Фрида Юсуфова много лет пишет стихи, считая, что стихи – «как молитвы – помогают справиться с трудностями жизни». Является автором нескольких сборников стихов: «Распахнутое сердце», «Признание в любви», предисловие к ним написал Николай Доризо. Фрида Юсуфова также автор детской сказки «Птичка-злючка», которая была опубликована с ее рисунками. Фрида Юсуфова является членом Союза писателей Израиля. Занимается живописью. Выставляла свои работы в здании мэрии города Акко, в Хайфе, Тель-Авиве, Иерусалиме. Многие ее работы находятся в частных коллекциях в Нью-Йорке, Калифорнии, в Москве, в Израиле. Фрида Юсуфова работает инструктором молодежи выходцев с Кавказа. Она автор проекта «Культура и наследие» («Тарбут ве Морешет»). Фрида Юсуфова является собственным корреспондентом журнала «Российский адвокат» в Израиле, членом редакционного совета первого журнала горских евреев «Миньян», который издается в Москве.